

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**И.С. ТУРГЕНЕВ И КЛАССИКИ ФРАНЦУЗСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА
(Ж. САНД, П. МЕРИМЕ, Г. ФЛОБЕР)**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, 02031355 группы
Ткаченко Марины Сергеевны

Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент Жиленков А.И.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. И.С. Тургенев и Ж. Санд	12
1.1. Личные контакты И.С. Тургенева и Ж. Санд.....	12
1.2. Эволюция эстетических взглядов и мировоззрения И.С. Тургенева и Ж. Санд.....	16
1.3. Трактовка крестьянской темы у Ж. Санд и И.С. Тургенева.....	20
Глава II. И.С. Тургенев и П. Мериме	24
2.1. Личные связи И.С. Тургенева и П. Мериме.....	24
2.2. К вопросу о влиянии П. Мериме на И.С. Тургенева («Искушение святого Антония», «Неосторожность»)	29
2.3. П. Мериме как критик и переводчик И.С. Тургенева.....	32
Глава III. И.С. Тургенев и Г. Флобер	40
3.1. Личные контакты И.С. Тургенева и Г. Флобера.....	40
3.2. Мировоззренческие и литературно-эстетические позиции И.С. Тургенева и Г. Флобера.....	43
3.3. Тема «искушения» в произведениях И.С. Тургенева и Г. Флобера...	51
Заключение	56
Список литературы	61
Приложение	65

ВВЕДЕНИЕ

Выпускная квалификационная работа посвящена исследованию проблемы – И.С. Тургенев и классики французской литературы второй половина XIX века.

Предметом исследования является проблема личных и творческих взаимоотношений И.С. Тургенева с классиками французской литературы XIX века (Ж. Санд, П. Мериме, Г. Флобер).

Объектом рассмотрения являются русско-зарубежные литературные связи XIX века.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить своеобразие творческого взаимодействия русского писателя И.С. Тургенева с классиками французской литературы XIX века – Ж. Санд, П. Мериме, Г. Флобер.

В соответствии с этим ставится ряд конкретных **задач**:

- рассмотреть эволюцию личных и творческих связей И.С. Тургенева и Ж. Санд, П. Мериме, Г. Флобера;
- изучить развитие литературно-эстетических представлений И.С. Тургенева и Ж. Санд, П. Мериме, Г. Флобера;
- рассмотреть трактовку крестьянской темы у Ж. Санд и И.С. Тургенева;
- определить роль и значение П. Мериме как критика и переводчика произведений И.С. Тургенева;
- проследить, как реализовалась тема «искушения» в произведениях И.С. Тургенева и Г. Флобера.

Поставленные задачи предполагают использование в работе сравнительно-исторического, типологического и культурно-исторического **методов**.

Из всех существующих форм культурных связей между русским и французским народами наиболее устойчивыми оказались литературные связи, имеющие свои исторические, эстетические и этические традиции. Вот

почему именно к этому вопросу уже в первой половине XX столетия русское литературоведение проявило вполне закономерный интерес. Во второй половине XX столетия проблема русско-французских литературных связей затрагивалась в статьях и монографиях таких филологов, как М.Е. Елизарова, М.П. Алексеев, В.И. Кулешов, Т.Л. Мотылева и многие другие.

Немало для изучения русско-французских связей сделано французскими учеными – М. Монго, А. Моруа, Ж. Любен, А. Менье, А. Звигельский, работавшими в парижских архивах. Следует подчеркнуть, что работы зарубежных тургеноведов, насыщенные подчас большим фактическим материалом, отличаются большим фактическим материалом и свободой методологических установок, особенно работы А. Гранжара, Ш. Корбе, И. Кадо. Французских литературоведов привлекает по преимуществу один аспект – вопрос о роли И.С. Тургенева в популяризации русской литературы во Франции. Таковы солидные по материалу обзоры французских литературоведов Ш. Корбе и И. Кадо.

Современные французские исследователи очень высоко оценивают литературно-общественную деятельность И.С. Тургенева – популяризатора. Так Ш. Корбе заявляет: «Тургенев – всегда Тургенев! Он сыграл колоссальную роль в обращении большей части французов к России и тем самым внес свой вклад в будущее сближение России и Франции» [Цит. по: Удеревский 1978: 7]. Особенностью суждений Ш. Корбе является упрек И.С. Тургеневу, что он своим мощным авторитетом закрыл собой других русских писателей, подавляя интерес к ним, лишая их проникновения во Францию. Факты переводческой деятельности И.С. Тургенева – переводы русской литературы на французский язык, популяризация во Франции творчества многих русских писателей, в особенности произведений Л.Н. Толстого – все это без труда опровергает заблуждение Ш. Корбе. И сам французский ученый не случайно приходит к выводу о том, что известное недоверие и пренебрежение к русской культуре как варварской не сумели

поколебать ни А.С. Пушкин, ни Н.В. Гоголь, которые к тому же трудно переводимы. Первым великим явлением, заставившим полностью покончить с этим пренебрежением, явилось творчество И.С. Тургенева. Вот почему имя его занимает столь значительное место в русско-французских интеллектуальных отношениях.

В книге другого французского исследователя И. Кадо главным образом рассматривается проблема переводов произведений И.С. Тургенева на французский язык. На убедительных примерах исследователь доказывает, какие при этом допускались неточности, искажения, стилистические украшения. Французский ученый учитывает достижения отечественных исследователей, обращавшихся к данной проблематике.

На современном этапе особая роль, на наш взгляд, принадлежит исследованиям М.Г. Ладария. Так, в ее первой книге впервые были собраны факты личных и творческих «встреч» И.С. Тургенева с П. Мериме, Г. Флобером, Э. Золя и Ги де Мопассаном [Ладария 1970]. Особый интерес представляет материал в главе, посвященной И.С. Тургеневу и Мопассану, хотя некоторые моменты могут дать повод для полемики с автором. Так, например, складывается впечатление, что М. Ладария преувеличивает меру воздействия И.С. Тургенева на Мопассана, тем самым вольно или невольно отказывает последнему в творческой самобытности. Отметим также, что автор, в целом хорошо ориентированный в исследованной им области литературных явлений, недостаточно хорошо привлекает работы французских ученых, разрабатывающих аналогичную проблематику.

Другая, позднее вышедшая книга М.Г. Ладария отличается большей, как нам кажется, целеустремленностью, широким привлечением историко-литературного материала [Ладария 1976]. Автор работы учитывает и обобщает достижения в изучении французских связей И.С. Тургенева.

Значительным вкладом в разрешение этой проблемы явились тома «Литературного наследства» – «Из Парижского архива И.С. Тургенева» и «И.С. Тургенев. Новые материалы и исследования».

Научное толкование этой проблемы впервые в русской реалистической критике дал В.Г. Белинский. Признавая благотворность литературных влияний одной страны, критик предлагал учитывать специфику этого вопроса. Творческое влияние одного писателя на другого, учил В.Г. Белинский надо рассматривать «не в том, что его поэзия отражает в них, а в том, что она возбуждает в них собственные их силы».

Франция долгое время была для России именно таким «солнечным лучом», возбуждающим ее собственные творческие силы. Однако В.Г. Белинский был убежден, что русская литература – это «пересаженное растение», пришла к своей национальной самобытности через преодоление иностранного влияния, главным образом французского.

Но преодолевать, учил критик, не значит – уничтожать! Преодолевать – значит брать, впитывать от другой культуры то, что способствует усилению самобытности родной национальной культуры. Подобное влияние благотворно лишь в том случае, если влияющая культура выше, развитее той, которая испытывает влияние. Именно такой культурой оказалась Франция XVII – XVIII веков, когда русские писатели обратили к ней свои взоры. Россия же XIX века уже на равных правах с зарубежной литературой вышла на арену мировой культуры. Выступая на международном литературном конгрессе 1878 года, И.С. Тургенев подчеркнул именно этот факт. «Двести лет тому назад, – говорил он, – еще не очень понимая вас, мы уже тянулись к вам; сто лет назад мы были вашими учениками, теперь вы нас принимаете как своих товарищей»¹.

---

¹ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: в 28 т. – М.: АН СССР, 1968. – Т. 15. – С. 55-56. В дальнейшем все ссылки даются по этому изданию с указанием в скобках номера том и страницы.

В первой половине XIX века бурно развивающееся освободительное движение в России разбурило национальное и политическое самосознание русского общества. Освободительное движение явилось мощным стимулом для развития русского реализма, национальную самобытность которого утверждали А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь.

Во второй половине XIX века русская литература получает признание не только за рубежом, но в какой-то степени опережает своих учителей, становится самой влиятельной и самой совершенной школой реалистического освоения жизни. И в этом есть своя глубокая закономерность. Признавая роль учителя за французской общественной и литературной мыслью в прошлом, И.С. Тургенев, например, подчеркивал в 70-х годах, что «воспитательная роль», которую вела Франция, «не вечна». «Реакция против наставников, – писал он, – становится неизбежной и заходит иногда слишком далеко – особенно, когда наставники сами слабеют и никнут, как это мы видим в современной нам наполеоновской Франции. Подобная реакция преимущественно высказывается в сфере искусства, поэзии» (XV, 371). Авторитет русской литературы начинают признавать во Франции такие титаны художественной мысли, как П. Мериме, Г. Флобер, Ж. Санд, Ги де Мопассан, Э. Золя.

Все эти писатели, по замечанию И.С. Тургенева, «поставили себе целью изучения и воспроизведения общественной жизни в ее типичных проявлениях». И этим особенно они стали близки русской литературе, русскому читателю.

«Писатели этой школы, – отмечал И.С. Тургенев, – как известно, пользуются в России едва ли не большей симпатией, чем в собственном отечестве» (XV, 110).

Особое место в истории русско-французских литературных связей во второй половине XIX века занимает вопрос о творческих и личных дружеских отношениях И.С. Тургенева с виднейшими писателями Франции.

Интерес И.С. Тургенева к французскому искусству, его роль пропагандиста русской литературы во Франции и французской в России, его творческие связи с отдельными представителями французской литературы еще не достаточно исследованы. В это состоит **актуальность** выпускной квалификационной работы.

В 1924 году Д. Голсуорси совершенно справедливо поставил вопрос о влиянии И.С. Тургенева на запад. «Критики, – писал он, – обычно предлинно рассуждают об оторванности Тургенева от его родной русской культуре, о разнице между ним и стихийном гигантом Гоголем и другим аморфным гигантом – Достоевским. Старательно причисляя И.С. Тургенева к западникам, они не замечали, что не столько Запад повлиял на него, сколько он на Запад. И.С. Тургенев достиг исключительного положения сам по себе: он был поэтом от природы, самым утонченным поэтом, который когда-либо писал романы. Именно это отличало И.С. Тургенева от его великих русских современников и объясняло его выдающееся место в литературе и влияние на Запад» [Голсуорси 1962: XI, 397].

Как известно, И.С. Тургенев большую часть своей сознательной жизни провел во Франции. В одной из своих корреспонденций о франко-прусской войне он писал: «Говоря без шуток, я искренне люблю и уважаю французский народ, признаю его великую роль в прошедшем, не сомневаюсь в его будущем значении, многие из моих лучших друзей, самые мне близкие люди – французы» (XV, 17).

Все привлекало И.С. Тургенева во Франции: и ее славные революционные традиции, и напряженность культурной жизни, и ее писатели, воплотившие в своем творчестве лучшие устремления французской прогрессивной литературы.

Но увлеченность Францией не ослабляла в И.С. Тургеневе чувство Родины. Напротив, это чувство на чужбине становилось острее, глубже. В одном из писем 50-х годов И.С. Тургенев признавался, что пребывание во

Франции производит на него обычное действие: «Все, что я вижу и слышу – как-то теснее и ближе прижимает меня к России, все родное становится мне вдвойне дорого...» (III, 31). Когда в 50-х годах XIX столетия на улицах Парижа появился еще молодой, но рано поседевший человек, мало кто из французов догадывался, что это ярко выраженный славянин – известный русский писатель И.С. Тургенев, автор только что нашумевших в России «Записок охотника». Неуютно и отчужденно чувствовал себя во Франции в эти годы И.С. Тургенев. Но вот уже в начале 60-х годов стена отчуждения рушится. Покоренные талантом и личным обаянием И.С. Тургенева, французские писатели принимают его в свою семью, доверяют ему свои замыслы, обращаются к нему за советом.

Общение И.С. Тургенева с представителями французской культуры во многом содействовало его особое положение друга семьи в лоне замечательной певицы Полины Виардо и ее супруга Луи Виардо, известного переводчика и журналиста. Особняк Виардо на улице Дуэ, верхний этаж которого занимал И.С. Тургенев, был своеобразным культурным центром. Здесь можно было встретить известных писателей, художников, артистов. И, конечно же, неизменным участником всех этих встреч был И.С. Тургенев, тонкий ценитель искусства, остроумный собеседник, подчас и артист, принимавший участие в драматических импровизациях. «Великан с серебряной головой», – таким он остался в памяти Ги де Мопассана и его других французских друзей.

Это эрудиция, манера вести беседу, внутренняя сдержанность при яркой творческой одаренности импонировали всем. Как вспоминает американский писатель Г. Джеймс, «в те месяцы, когда Флобер жил в Париже, Тургенев каждое воскресенье отправлялся к нему. Эти воскресные собрания происходили в небольшой гостиной Флобера; имен здесь в этой полутемной гостиной, которая выглядела как временное пристанище, и проявился во всем блеске талант Тургенева – и собеседника и рассказчика.

Он в этих случаях был прост, естественен и словоохотлив: о чем бы он ни говорил, предмет его разговора окрашивался его блестящим воображением».

Г. Джеймс отмечает то «умственное оживление», которое возбуждал И.С. Тургенев своими рассказами о России, о замечательных личностях, о странных посетителях, иногда навещавших его, о мрачной судьбе его отечества.

И.С. Тургенев знакомил французских писателей с лучшими представителями русской литературы: А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, Л.Н. Толстым, которого рекомендовал в качестве самого яркого представителя реализма второй половины XIX века. Многие произведения самого И.С. Тургенева, в том числе «Записки охотника», «Степной король Лир», «Яков пасынков», «Первая любовь», «Три встречи» и почти все его романы были переведены на французский язык.

Дружеские и творческие связи возникают у И.С. Тургенева с целым рядом французских писателей.

О характере взаимоотношений И.С. Тургенева с Ж. Санд, П. Мериме и Г. Флобером и пойдет речь в трех главах выпускной квалификационной работы.

В первой главе мы рассмотрим эволюцию личных и творческих связей И.С. Тургенева и Ж. Санд, выясним причины популярности Ж. Санд в России, проследим, как шло усвоение творчества французской писательницы в России, изучим развитие литературно-эстетических представлений обоих романистов, а также эволюцию тургеневских взглядов на творчество и личность французского романтика в 40-50-е годы, а затем в 60-70-е годы. Предметом обсуждения станут и мнения Ж. Санд о И.С. Тургеневе – человек и художнике.

Во второй главе мы рассмотрим эволюцию личных и творческих связей И.С. Тургенева и П. Мериме, выясним, какую роль сыграл французский писатель в популяризации русской литературы во Франции, покажем роль и

значение П. Мериме как критика и переводчика произведений И.С. Тургенева.

В третьей главе обратим внимание на то, как складывались личные отношения И.С. Тургенева и Г. Флобера, постараемся выделить общее и различное в мировоззренческих позициях этих писателей, проследим, как реализовалась тема «искушения» в произведениях И.С. Тургенева и Г. Флобера.

Апробация результатов исследования проходила на Международном молодежном научном форуме «Белгородский диалог – 2019» (НИУ «БелГУ», апрель 2019 года).

Структура. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения, в котором представлена разработка внеклассного мероприятия по литературе на тему «Франция в творческой и личной судьбе И.С. Тургенева».

ГЛАВА I.

И.С. ТУРГЕНЕВ И Ж. САНД

1.1. Личные контакты И.С. Тургенева и Ж. Санд

Большая дружба, глубокое взаимное уважение характеризуют отношения И.С. Тургенева и Жорж Санд. Личные, творческие связи И.С. Тургенева и Ж. Санд являются предметом пристального изучения на протяжении многих десятилетий. Еще в 1990 г. в Москве под редакцией И.Д. Гальперина-Каминского вышла книга «Письма И.С. Тургенева к П. Виардо и его французским друзьям», куда были включены и письма Ж. Санд. Исследователь впервые поставил вопрос о первой встрече Ж. Санд и И.С. Тургенева. К решению этого вопроса подключилась и В.Д. Комарова-Стасова, написавшая (под псевдонимом В. Каренин) первую в России монографию, посвященную Ж. Санд. Исследуя жизнь и творчество французской писательницы, она рассматривала и вопрос о взаимоотношениях Ж. Санд и И.С. Тургенева. Следует отметить и работу «Тургенев и Жорж Санд», которая вышла в Петербурге в 1921 году в «Тургеневском сборнике» под редакцией А.Ф. Кони.

Проблема личных и творческих связей И.С. Тургенева и Ж. Санд всегда привлекала к себе внимание историков литературы, таких как Т. Ковалева (1979), М. Ладария (1976), Е. Кийко (1984), М. Трескунов (1976).

Широкое распространение произведений Жорж Санд в России в 30-40-е годы XIX века, увлечение ее идеями кружка Станкевича, с которым И.С. Тургенев был близок, обусловили еще в юности его глубокий и устойчивый интерес к личности и творчеству французской писательницы. Понятно поэтому, каким волнующим событием для И.С. Тургенева была первая встреча с писательницей, перед именем которой он благоговейно преклонялся. Единого мнения по вопросу о том, где и когда познакомились И.С. Тургенев и Ж. Санд, в литературоведении нет. В «Истории французской

литературы», в разделе, посвященном творчеству Жорж Санд, сказано: «К концу 60-х годов относится первое знакомство Жорж Санд с И.С. Тургеневым и ее искреннее восхищение автором «Записок охотника» [ИФЛ 1956: 2, 216].

В «Указателе имен» к девятому тому полного собрания сочинений и писем И.С. Тургенева в 28 томах категорически заявляется: «Знакомство их состоялось в 1846 году, затем прервалось и возобновилось лишь в 1849 году, но особенно упрочилось после 1872 года, при содействии П. Виардо и Г. Флобера, которых связывала многолетняя дружба».

И вместе с тем есть запись И.С. Тургенева в «Мемориале» за 1845 г.: «Новый год в Петербурге... Москва. Концерты Полины Виардо в Москве. Возвращение вместе. Отъезд в чужие края. Жорж Санд. Поездка в Пиренеи. Самое счастливое время моей жизни. Возвращение к зиме». Если учесть, что в своем «Мемориале» Тургенев выделял особо значительные для него события жизни и что доселе он не упоминал имени Жорж Санд, тогда можно утверждать, что обращение к имени французской писательницы в данном случае связано только с фактом его встречи и знакомства с нею.

К сожалению, кроме свидетельства «Мемориала» пока не имеется другого, более веского подтверждения этой версии, но косвенным доказательством могут служить некоторые из публикаций. Так, из письма П. Виардо к Ж. Санд от 18 марта 1845 года, посланного из Петербурга, мы узнаем о ее дальнейших планах: в мае возвращение во Францию, а затем визит к Жорж Санд в ее родовое имение Ноан.

Свою «программу» П. Виардо выполняет. В «комментариях» к упомянутому письму говорится, что в июне П. Виардо вернулась с гастролей по России во Францию, и 12 июня она вместе с Жорж Санд и Шопеном отправилась в Ноан.

Таким образом «вырисовывается» следующая картина. Получив письмо от подруги, с которой она не виделась почти два года, Жорж Санд с

сыном Морисом и Шопеном едет в Париж, дабы ускорить эту встречу. Затем, по приглашению П. Виардо, Жорж Санд посещает ее виллу недалеко от Парижа. Здесь, по всей вероятности, и происходит личное знакомство И.С. Тургенева с прославленной французской писательницей. Не случайно, по-видимому, вилла Виардо у И.С. Тургенева ассоциируется с именем Жорж Санд. В одном из своих писем И.С. Тургенев связывает пейзаж Жорж Санд в романе «Франсуа-найденыш» окрестностями виллы Виардо.

Затем больше 20 лет Ж. Санд и И.С. Тургенев не виделись. Однако русский писатель все это время внимательно следил за литературной деятельностью Ж. Санд, постоянно спрашивая о ней в письмах к П. Виардо, делился впечатлениями о новых произведениях автора «Консуэло». Несмотря на отрицательные отзывы о некоторых произведениях писательницы периода ее увлечения идеями Пьера Леру, И.С. Тургенев всегда подчеркивал свое уважение к художественному таланту Жорж Санд, считая себя в некотором роде ее учеником. Он критиковал некоторые произведения Ж. Санд крайне осторожно, чтобы не дать возможности противникам писательницы использовать эту критику. Высоко оценивая идейное содержание, демократический и гуманный характер творчества Ж. Санд, И.С. Тургенев был активным защитником и пропагандистом ее произведений.

Более близкое знакомство Т. И.С. Тургенева и Ж. Санд относится к 1868-1869 годам. Этому сближению в большей мере способствовал Г. Флобер, бывший другом обоих писателей. К 60-м годам слава Тургенева как художника шагнула далеко за пределы России. В 1854 году вышел французский перевод «Записок охотника», и Жорж Санд смогла познакомиться с ним. Ее поразила правдивость, внешняя простота, безыскусственность рассказов И.С. Тургенева и то же время глубокая любовь автора к своим героям, страстная заинтересованность их судьбами. В письме Флоберу 21 декабря 1868 года, сравнивая произведения русского писателя с современной ей французской литературой, она отдавала предпочтение

первым, указывая на их общественное значение: «Я читала его (Тургенева) мало, но то. Что читала, знаю наизусть. Какой талант! И до чего своеобразный и могучий! Я нахожу, что за рубежом пишут лучше, чем мы».

Ж. Санд выразила желание ближе познакомиться с русским писателем. Новая их встреча после кратковременного знакомства в 1845 году состоялась лишь 7/19 января 1870 года в Париже. «Я видела Тургенева и сказала то, что думала о нем. Он был удивлен, как ребенок. И мы говорили о твоей болезни», – писала Ж. Санд Г. Флоберу. По-видимому, писательница высказала свое восхищение талантом автора «Записок охотника», всегда считавшего «одобрение Жорж Санд большой честью для себя».

После франко-прусской войны И.С. Тургенев поехал в Ноан с П. Виардо и ее дочерьми – Марианной и Клоди. Визит был недолгим, но запомнившимся. Русский писатель, вернувшись в Париж, поблагодарил Ж. Санд за оказанное гостеприимство и пообещал зимой вновь посетить Ноан.

Так началась их переписка, продолжавшаяся до самой смерти Ж. Санд. В настоящее время известны 16 писем И.С. Тургенева к французской писательнице и 13 ее ответных писем.

Свое глубокое уважение к личности Тургенева и восхищение его талантом Ж. Санд выразила в предисловии к очерку «Пьер Боннен», посвященном автору «Записок охотника» и появившемуся в газете «Temps» 29 октября 1872 года. В нем она отметила большое значение, которое имели «Записки охотника» для французского писателя, впервые открывшего для себя душевный мир русского крестьянина: «... Ни один исторический памятник не сможет раскрыть нам Россию лучше, чем образы, столь хорошо вами изученные, и этот быт, так хорошо увиденный вами». Жорж Санд, собственное творчество которой было проникнуто идеями высокой гуманности, любви к человеку, оскорбленному и униженному, чутко уловила эти близкие ей черты в произведениях Тургенева: «Вам присуща жалость и

глубокое уважение ко всякому человеческому существу, какими бы лохмотьями оно ни прикрывалось и под каким бы ярмом ни влачило свое существование».

Ж. Санд удалось очень верно определить характер дарования Тургенева: глубокий реализм, знание им действительной жизни в сочетании с тонким лиризмом: «Вы – реалист, умеющий все видеть, поэт, чтобы все украсить, и великое сердце, чтобы всех пожалеть и все понять».

Переписка между писателями с годами становилась все более оживленной. В письмах Ж. Санд и И.С. Тургенев сообщают литературные новости, сведения об общих знакомых посылают маленькие подарки, намечают план новой поездки в Ноан, на этот раз уже с Флобером.

Ж. Санд всегда внимательно следила за появлением новых произведений русского писателя. В ее письмах постоянно встречаются названия тургеневских повестей, романов, которые прочитала сама и советует прочитать знакомым. Ж. Санд писала Г. Флоберу 4 июня 1873 года: «... Прочитала «Несчастную». Это также хорошо, как и все, что он делает».

1.2. Эволюция эстетических взглядов и мировоззрения И.С. Тургенева и Ж. Санд

На первый взгляд может показаться неправомерным сопоставлять столь разных по мировоззрению и художественному методу писателей, как Ж. Санд и И.С. Тургенев. Действительно, что общего между романтиком, считавшим, что «литература призвана – лгать» [Санд 1958: 2, 613], и реалистом, видевшим высочайшее счастье для литератора в том, чтобы «точно и сильно воспроизводить реальность жизни» (XIV, 200). А общее это явственно выступает, если обратиться к эстетической платформе писателей, в частности, рассмотреть вопрос об отношении их к романтизму и реализму.

И.С. Тургенев пришел в литературу как романтик. Формирование его мировоззрения и эстетических взглядов происходило в значительной мере

под воздействие романтической традиции русской литературы 30-х годов XIX века, и в частности, «романтического идеализма» Станкевича, мятежной поэзии Байрона, Лермонтова и даже, в какой-то период эпигонского романтизма Бенедиктова [Петров 1979].

Ранний романтический этап имел большое значение в становлении творческого почерка И.С. Тургенева. Именно с влиянием романтизма связаны черты, проявившиеся в позднейших произведениях писателя: лиризм повествования, пристальное углубленное внимание к духовной жизни личности, умение видеть идеальное в обыденном, тяготения к таким общечеловеческим проблемам, как любовь, смерть, добро, зло. Но решающее значение для молодого писателя имело идейное воздействие В.Г. Белинского, принципов «натуральной школы», провозглашенной критиком [См.: Батюто 1990].

Тургенев шел за Белинским в материалистическом решении проблемы отношения искусства и действительности, в определении основных принципов реализма, в оценке явлений современной литературы. Как и у В.Г. Белинского, отношение И.С. Тургенева к романтическому искусству было весьма сложным. От романтизма первого периода творчества – через отрицание в 40-е годы некоторых его сторон – писатель пришел к убеждению о необходимости сочетать в произведении реальное и идеальное. Примером искусства, соединяющего в себе романтический пафос и «самый трезвый реализм», явилось собственное творчество И.С. Тургенева, в котором предметом романтического изображения были героические натуры, посвятившие жизнь служению великому делу, чувству первой чистой любви, природа с ее величавой красотой.

В творчестве современных ему писателей он ценил сочетание реалистического и романтического, дающее, по его мнению, наиболее полную правдивую картину жизни. Этим обстоятельством в известной мере объясняется и многолетний интерес И.С. Тургенева к личности и творчеству

Ж. Санд, художественному методу которой было свойственно своеобразное переплетение романтических и реалистических элементов.

Будучи одним из вождей французского романтизма, Ж. Санд вместе с тем разделяла многие положения реалистической эстетики. Это дает возможность говорить о некоторых точках соприкосновения в эстетических взглядах И.С. Тургенева и Ж. Санд. Основным моментом, сближающим эстетику, было признание реальной действительности единственным источником искусства. Назначение литературы они оба видели в правдивом отображении жизни. Но понятия «правда жизни» самой действительности у И.С. Тургенева и Ж. Санд далеко не тождественны. И.С. Тургенев как писатель-реалист считал, что предметом изображения в литературе должна служить жизнь, как она есть, во всех, без исключения, многообразных формах и проявлениях. Французская писательница в своем творчестве стремилась свободно и всесторонне воспроизводить действительность в ее наиболее ярких и значительных проявлениях. Признавая источником всякого искусства жизнь, и И.С. Тургенев, и Ж. Санд в то же время выступали против натуралистического, фотографического ее отображения. Они ратовали за создание полнокровных и многогранных произведений. Оба писателя были едины в утверждении искусства, призванного действовать на читателя передовыми идеями, в нем заключенными. Они видели в литературе огромную нравственную силу воздействия на общество и поэтому постоянно боролись за ее идейность, народность, гуманизм, что нашло свое отражение в художественной практике обоих писателей.

В середине 50-х годов XIX века в условиях общественного подъема в России на повестку дня остро встал вопрос об отношении к теории и практике «чистого искусства». Позиция его представителей отчетливо проявилась в полемике о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях в русской литературе.

И Ж. Санд, и И.С. Тургенев вели борьбу против теории «чистого искусства» и уделяли в своей эстетике значительное место проблеме соотношения содержания и формы. Причем, оба писателя ведущую роль в художественном произведении отводили идее, понимая под ней действительность, воспринятую и отраженную с определенных авторских позиций.

Ж. Санд считала, что содержанию, идее в художественном произведении должно быть подчинено все. И.С. Тургенев тоже не соглашался с утверждением теоретиков «чистого искусства» о том, что идея сковывает творческую свободу художника, лишает его независимости. По Тургеневу, именно идея составляет необходимое условие подлинно художественного произведения.

Но, придавая большое значение содержанию произведения, Ж. Санд и И.С. Тургенев в тоже время не пришли к отрицанию роли его формы. Совершенно только такое произведение, в котором художественная форма естественно и органически выражает идейное содержание – вот мысль обоих писателей, высказываемая ими неоднократно.

Несмотря на различия в мировоззрении и художественном методе романтика Ж. Санд и реалиста И.С. Тургенева, взгляды писателя на некоторые эстетические вопросы имеют много общего. Поэтому постановка проблемы «Тургенев и Жорж Санд» включает в себе возможность выяснения не только сложных, многогранных литературных связей между этими писателями, но и тех процессов в развитии мировой литературы XIX века, которые определили ее ведущие тенденции (демократизм, социальность, все большее сближение с действительностью).

В 1840 годах И.С. Тургенев писал, что Жорж Санд – писатель-авторитет, но сама писательница как личность его не привлекает. Пройдет более 20 лет и Тургенев станет ее близким другом. «Механизм» этих

отношений строится на сложнейших началах – литературно-исторических, эстетических и нравственно-психологических.

Прослеживая литературные связи И.С. Тургенева и Ж. Санд, сталкиваешься с явлениями общности литературных процессов как в русской, так и французской литературе XIX века (например, соответствие бальзаковского и жорж-сандовского направлений гоголевскому и пушкинскому). Это придает особую сложность интересующей нас проблеме, так как все личное в ней упирается в общее и все общее постигается через индивидуальное.

1.3. Трактовка крестьянской темы у Ж. Санд и И.С. Тургенева

У Ж. Санд и И.С. Тургенева много общего в их отношении к народу: и оптимистическое предчувствие великого будущего, и стремление подчеркнуть в крестьянской личности благородные, добрые начала, и тем самым вызвать у современников раздумья о чудовищной несправедливости социального неравенства, и вера в безграничные духовные и душевные возможности своего народа.

В период создания «Записок охотника» (1840-е годы) И.С. Тургенев, конечно, мог испытывать непосредственное влияние французской писательницы. В то время, по собственному признанию И.С. Тургенева, он «поклонялся» ей. В «Деревенских повестях» Ж. Санд И.С. Тургенева не могла не привлечь новизна разработки народной темы, особая, лирическая, их атмосфера, тонкое поэтическое чувство природы.

Влияние было именно в том смысле, в каком понимал его В.Г. Белинский: в способности одного великого писателя пробуждать родственную творческую энергию у другого. Но не было подражания. Вот почему вызывают возражения чрезмерно прямолинейные заявления ряда литературоведов о прямом влиянии тех или других образов Жорж Санд на крестьянские образы И.С. Тургенева. В. Каренин, например, утверждал, что

«на Тургенева влияние Жорж Санд сказалось двояко, и в виде идейного воздействия, и виде непосредственного отражения формы и содержания жорж-сандовских вещей на некоторые из его произведений» [Каренин 1921: 90].

Не исключена возможность, что образ Пасьянса, героя произведения Ж. Санд, заинтересовал автора «Записок охотника». В нем И.С. Тургенев мог увидеть черты, близкие определенной категории русского крестьянства: тяготение к философствованию, к правдоискательству, особая любовь к природе, птицам, животным. И при всем этом – нежелание заниматься физическим трудом, работать на барина, т.е. тем, в чем эксплуататорское общество видело исконную обязанность крестьянства. Но Пасьянс у Ж. Санд романтичен. Он живет в заброшенной башне, постоянно погружен в философские раздумья. Он – философ-праведник, обращающий в свою веру тех, душа которых открыта для добра и справедливости. «Посмотрите на небо, – говорит он, – звезды живут в мире, и ничто не нарушает их вечного порядка: большие не пожирают малых, и ни одна не стремится на своих соседок. Наступит время, когда такой же стройный порядок воцарится среди людей». Мечтания пасьянса о мировой гармонии человеческих душ лишены социально-исторической основы. Они наивны и утопичны. Можно согласиться с Л. Гедыминым, что жизнь пасьянса напоминает не столько трудовую жизнь французского крестьянина конца XVIII века, сколько «существование отшельников и пустынников в первых веках христианства» [Гедымин 1958: 129].

Н. Сумцов, автор статьи «О влиянии Жорж Санд на Тургенева», также считающий Касьяна «литературным сыном» Пасьянса, совершенно игнорирует моменты социально-исторического значения. Его соответствия носят чисто формальный характер: случай с совой (ее подбивает младший Мопра) соотносится им с тем, что тот убивает живую тварь. Смерть птички

вызывает у Касьяна слезы так же, как у Пасьянса – смерть лани. Оба слынут за колдунов, оба знахарствуют. Но на этом сходство и заканчивается.

Пасьянс – детище XVII века, духовный сын Ж.Ж. Руссо. Тургеневский образ Касьяна вобрал в себя настроения и раздумья русского народа середины XIX века. Но есть между ними и нечто общее. По мнению М.Г. Ладария, тургеневский герой, как и жорж-сандовский, наделен исключительными чертами. Это карлик пятидесяти лет, необычайной внешности: «с маленьким, смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазками и курчавыми, густыми черными волосами... Все тело его было чрезвычайно щедро и худо, и решительно нельзя передать словами, до чего был необыкновенно странен его взгляд» (IV, 118).

Странность Касьяна проявляется во всем: в его поведении, характере, в языке. «Этот язык, обдуманно-торжественный и странный... Я не слышал ничего подобного» (IV, 125), – замечает рассказчик. Но Касьян Тургенева – прежде сего, русский крестьянин, с русской психологией, с русским характером. А условия его жизни вполне соответствуют обстоятельствам жизни крестьян первой половины XIX века.

Касьян не только мудрец-философ, он – правдоискатель. Как бы предвосхищая некрасовских мужиков из поэмы «Кому на Руси жить хорошо?», он бродит по различным местам России (по Волге, Сибири), он жадно ищет ответы на волнующие его вопросы.

Рассмотрение проблемы «И.С. Тургенев и Жорж Санд» подводит к выводу о наличии трех периодов во взаимоотношениях художников слова. Первый – 1840-е годы, характеризующиеся благоговейным отношением И.С. Тургенева к личности и творчеству Ж. Санд, что во многом объясняется популярностью французской писательницы в России в это время (повышенный интерес к народу, исторический оптимизм, широкий социальный кругозор). Однако в 50-е годы это отношение резко меняется

(50-60-е годы – второй период). С середины 50-х годов и почти до конца 60-х годов И.С. Тургенев мало интересуется Ж. Санд. Не укрепляются и личные их связи. Однако интерес к ее творчеству полностью не теряется. Рубеж 60-70-х годов – начало третьего периода, когда писатели, по словам Батюто, «как бы поменялись ролями». Теперь Ж. Санд, когда некогда Тургенев – поклонница русского писателя, считающая даже, что все европейские писатели должны пройти школу Тургенева.

Таким образом, мы видим, что взаимоотношения Ж. Санд и И.С. Тургенева были неоднозначны и изменялись со временем. Это связано и с общественно-исторической обстановкой, и с характером развития эстетической мысли в России и Франции, и с нравственно-психологическим своеобразием личности И.С. Тургенева и Ж. Санд. Изменялись взгляды писателей, изменялись их литературно-эстетические представления, изменялся стиль произведений.

Сопоставление «Записок охотника» И.С. Тургенева с «Деревенскими повестями» Ж. Санд, выявление их идейно-художественного своеобразия помогает осознать общность позиций, связанных с гуманизмом, демократизмом И.С. Тургенева и Ж. Санд в решении проблемы народа и народной жизни, с изображением человека из народа как носителя лучших духовных черт нации. Произведения, созданные независимо друг от друга, проявляют общие тенденции в идейном содержании, в сюжете, в принципах изображения народных характеров, в особенностях композиции. Но совершенно очевидно, что происхождение тургеневских «Записок охотника» не находится в прямой зависимости от «Деревенских повестей» Ж. Санд.

Различия художественных видений были обусловлены конкретными социально-историческими условиям в России и Франции.

ГЛАВА II.

И.С. ТУРГЕНЕВ И П. МЕРИМЕ

2.1. Личные связи И.С. Тургенева и П. Мериме

В сопоставлениях И.С. Тургенева и П. Мериме на первый план выдвигаются взаимные притяжения и отталкивания двух писателей в оценках произведений друг друга. С этой точки зрения чрезвычайно интересны статьи и письма П. Мериме о И.С. Тургеневе, недостаточно привлёкшие внимание исследователей.

Отмечая и систематизируя факты творческого воздействия французского писателя на его русского современника, особое внимание следует уделить сущности обратного влияния И.С. Тургенева на П. Мериме, поскольку эта сторона взаимосвязей двух писателей остается недостаточно исследованной. Здесь индивидуальное творческое воздействие одного писателя на другого перерастало в освоение французской литературой лучших традиций русской литературы.

Проблеме личных и творческих взаимоотношений И.С. Тургенева и П. Мериме посвящено несколько работ русских и французских литературоведов (А. Виноградова, Л. Гроссмана, М. Клемана, Б. Реизова, М. Ладария, П. Траара, А. Мазона, П. Партюрье), но она остается актуальной и сегодня.

В статье М. Клеманса обращалось внимание, в первую очередь, на факты, содержащиеся в переписке И.С. Тургенева и П. Мериме, а материал художественного творчества им вовсе не привлекался. Неизвестными исследователю были и те письма П. Мериме к И.С. Тургеневу, которые впервые введены в научный оборот французским ученым М. Партюрье в 1952 году.

В кандидатской диссертации О. Тимофеевой «Тургенев и Мериме» (1950) подробно говорилось о переводах тургеневских произведений на

французский язык, о том, какую роль сыграл Мериме в популяризации творчества И.С. Тургенева во Франции, об отношениях двух писателей к А.С. Пушкину.

За годы, прошедшие с тех пор, накопился определенный материал, проливающий новый свет на личные и творческие взаимоотношения И.С. Тургенева и П. Мериме. В последующие годы появилось немало интересных работ (П. Заборова, Ю. Левина, Р. Гороховой), которые посвящены отдельным эпизодам, частичным проблемам (например, проблеме перевода), новым фактам, вытекающим из новейших публикаций писем П. Мериме к И.С. Тургеневу.

Назрела необходимость обобщить и осмыслить их, понять их во взаимосвязи, в контексте всей истории взаимоотношений И.С. Тургенева и П. Мериме.

Нас, в первую очередь, привлекла проблема взаимных притяжений и отталкиваний двух писателей в оценках произведений друг друга.

С этой точки зрения особенно интересны и поучительны статьи и письма П. Мериме о И.С. Тургеневе.

Очевидно, Стендаль был первым, кто вызвал у Мериме интерес к России. Участник наполеоновского нашествия 1812 года Анри Бейль своими рассказами об этой «непонятной, загадочной стране северных рабов», как тогда называли Россию, пробудил у живого, восприимчивого Мериме повышенный интерес ко всему русскому. Стендаль словно завещал своему младшему собрату по перу то, что не удалось осуществить ему самому – поближе познакомиться с поразившей его своей самобытностью русской культурой и ее представителями. Мериме выполнил этот завет.

Некоторые зарубежные исследователи объясняют возникший у Мериме интерес к России духом соперничества с родственником Анри Мериме, выпустившим в 1847 году в Париже книгу «Один год в России». Между тем это недоразумение было развеяно еще в 1928 г. А.К. Виноградовым в книге

«Мериме в письмах к С.А. Соболевскому». Из нее можно узнать, что Мериме познакомился с русской литературой значительно раньше появления книги своего родственника. В 30-х годах XIX века, посещая литературный салон мадам Ажло, он познакомился со многими представителями русских колониистов в Париже. Он прекрасно знал княгиню З. Волконскую, поэта П. Вяземского и др. Там же в 1829 г. он познакомился со страстным путешественником, известным библиофилом, другом Пушкина С.А. Соболевским. Последний заинтересовал молодого французского писателя творчеством А.С. Пушкина. Чтобы поближе познакомиться с произведениями величайшего поэта, почитать их в подлиннике, Мериме начинает изучать русский язык.

Его впечатления о русском языке выражены в письме к близкому другу Альберту Стаферу 10 февраля 1869 г.: «Почему Ваша дочь не изучает русский язык? Это красивейший из всех европейских языков, не исключая и греческого. Он гораздо богаче немецкого и отличается ясностью. Этот язык еще настолько молод, что педанты не успели навязать ему свои правила и выдумки. Он замечательно подходит для поэзии. У русских есть один великий поэт и другой, почти столь же великий, и оба еще очень молоды были убиты на дуэли» [Мериме 1963: 6, 232-233].

Таким образом, еще до знакомства с И.С. Тургеневым у Мериме пробудился интерес к России, поддержанный потом переводами художественных произведений и статьями о русской истории и литературы.

И.С. Тургенев познакомился с П. Мериме в Лондоне в 1857 г. уже маститым писателем, признанным не только у себя во Франции, но и далеко за ее пределами. Еще А.С. Пушкин в 20-х годах говорил о П. Мериме как об одном из самых видных французских прозаиков. Впрочем, личному знакомству двух писателей предшествовали году заочного знакомства. В своих ранних драматических произведениях И.С. Тургенев находился под несомненным влиянием Мериме, сильнейшее впечатление произвел на него

сборник «Театр Клары Газуль». Пьесы сборника явились блестящим вступлением молодого Мериме против некоторых эстетических принципов романтической школы. Вместе с тем прав глубокий знаток французского классицизма Ю.Б. Виппер, отметивший в своей статье, что сборник начинающего писателя был «одним из самых ранних и наиболее решительных попыток извергнуть иго окостеневших в своем догматизме эпигонов классицизма, которые господствовали в то время на французской сцене. Современников Мериме, привыкших к пространным рассуждениям и растянутым монологам драматургов-классиков, поражало в пьесах Мериме стремительное развитие действия, непрерывное чередование кратких выразительных сцен, полное игнорирование правил о трех единствах, неожиданные и резкие переходы от сатирических эпизодов к пассажам, насыщенным высокой патетикой и трагизмом» [Виппер 1965: 7-8].

Без сомнения, такая позиция французского писателя не могла не импонировать молодому И.С. Тургеневу, который выступил в 40-е годы вместе с В.Г. Белинским решительным противником «ложно-величавой» школы российских романтиков, отстаивая эстетические принципы «натуральной» школы. Отсюда не следует вывод, что в своем становлении художника-реалиста И.С. Тургенев многим обязан Мериме, как это желает А.П. Гроссман в работе «Театр Тургенева».

Однако несомненно, что факт одинаковых творческих исканий, переход с позиций романтизма к реалистическим принципам изображения действительности предопределил общность идейно-эстетических позиций двух разных писателей, преломившихся затем в их творческой практике.

Ко времени знакомства писателей Мериме почти окончательно отошел от художественного творчества. В этот период своей жизни Мериме в основном занимался переводами и литературной критикой.

Дружеские отношения между И.С. Тургеневым и П. Мериме сложились на почве взаимной симпатии и глубокого интереса обоих

писателей к русской реалистической литературе и продолжались 13 лет. Тургенев нуждался в поддержке такого авторитетного писателя, критика и переводчика, каким был Мериме.

Первое впечатление И.С. Тургенева от П. Мериме было противоречивым: он одновременно и отталкивал, и импонировал своим «чрезвычайно тонким и умным лицом», отталкивал «славой писателя-эпикурейца и скептика, которого решительно ничто взволновать не может, который ни во что не верит и с вежливой, чуть презрительной недоверчивостью взирает на всякое изъятие энтузиазма» (XIV, 244). Чтобы разобраться в сущности этого сложнейшего представителя французского реализма, Тургеневу необходимы были встречи, раздумья о его творчестве. Тринадцать лет дружеских отношений сделали свое дело. «Под наружным равнодушием и холодом он скрывал самое любящее сердце», – писал впоследствии И.С. Тургенев и П. Мериме.

Познакомившись еще в 20-е годы с творчеством А.С. Пушкина, Мериме был потрясен талантом этого гиганта художественной мысли. Естественно, русские соотечественники А.С. Пушкина привлекали внимание Мериме. Он был хорошо знаком с братьями Тургеневыми – Александром и Николаем, известными своими бунтарскими настроениями, с князем П. Вяземским, с братом поэта Л. Пушкиным, с декабристом Волконским, с Герценом. И.С. Тургенев замыкает круг русских знакомств Мериме.

Несомненно, росла вера Мериме в Тургенева, в правдивость его творчества, в жизненность его образов. Ни разу за всю историю дружеских отношений между Мериме и Тургеневым не возникало не одного повода для недовольства или обид. Были времена, когда деловые и творческие связи их ослабевали в результате долгих разлук. Но всегда определяющим чувством в их отношениях была доброжелательность. Именно этим можно объяснить стремление Мериме поддержать авторитет русского писателя, защитить Тургенева, если в этом была надобность. Только этой доброжелательностью

можно объяснить ту легкость, с которой Мериме обращался к Тургеневу по всем вопросам, интересующим его как автора ряда статей по русской литературе, ту свободу, с которой он высказывал свои суждения.

Замечательно, что их дружеские отношения завязались с помощью поэзии А.С. Пушкина. Для И.С. Тургенева А.С. Пушкин был не только учителем, но и воплощением всего светлого, прекрасного в человеке. «Я всегда считал себя его учеником, – признавался И.С. Тургенев в 1862 году, – и мое высшее литературное честолюбие состоит в том, чтобы со временем признанным за его хорошего ученика» (X, 379). Несомненно, и в личных беседах с зарубежными писателями И.С. Тургенев не раз вспоминал А.С. Пушкина, пытаясь разъяснить им величие русского гения. Возможно, именно этот обоюдный интерес к творчеству А.С. Пушкина послужил одним из сильнейших поводов для сближения И.С. Тургенева и П. Мериме. А.С. Пушкина, по словам И.С. Тургенева, П. Мериме называл «величайшим поэтом эпохи».

2.2. К вопросу о влиянии П. Мериме на И.С. Тургенева («Искушение святого Антония», «Неосторожность»)

В истории литературно-творческих связей И.С. Тургенева и П. Мериме вопрос о взаимном слиянии не является определяющим. Слишком различны их творческие почерки, их художественное мышление. Как отмечалось, самое сильное влияние французского писателя И.С. Тургенев испытал в ранней молодости, когда он познакомился с «Театром Клары Гузель». Остросюжетные, динамичные, с героями, наделенными сильными страстями и переживаниями, пьесы Мериме несли в себе протест против мещанской драмы, получившей в то время на западе большое распространение. Не случайно театром Мериме живо интересовался А.С. Пушкин.

Сам И.С. Тургенев признавался в увлечении пьесами Мериме в предисловии к своим драматическим сценам «Две сестры». Но влияние это

нашло чисто внешний характер (построение сцен, развитие сюжета, имена героев).

Под непосредственным влиянием комедии Мериме «Женщина-дьявол, или искушение святого Антония» И.С. Тургенев написал в 1842 г. несколько драматических сцен под заглавием «Искушение святого Антония». Однако в разработке этой темы И.С. Тургенев остался оригинальным. Его пьеса написана не в комедийном, как у Мериме, а в драматическом жанровом ключе. Отсюда серьезность тона, лиричность отдельных сцен, диалогов.

Антоний у Мериме – «взбунтовавшийся отшельник, признавший, что смысл жизни не в молитвах, а в любви, в радости бытия». Это скорее бунт плоти, нежели духа. Антоний у И.С. Тургенева более сложен. Уход его от своей любви и молодости в монашество мотивируется автором причинами философского и религиозного характера. Святой отшельник стал у И.С. Тургенева блестящим кавалером, кающимся в пещерах на берегу моря. Он, Антоний, – бывший воин и великий грешник («Железным был я, грешным человеком»), отказавшийся от любви девушки (Марцеллины) и ставший отшельником. Драма проникнута итальянским колоритом. В то время писатель был полон воспоминаний о путешествии в Италию. Имена действующих лиц все итальянские: Антонио, Джулио, Карло Спада, Пиетро, Роберто, так же и названия городов.

Драматизируется также и образ Марцеллины. Рассказ Карло о горестной судьбе Марцаллины вызывает у отшельника чувство глубокой скорби, но не сожаления, ибо отречение его от жизненных радостей продумано и добровольно: его томили «грозные порывы», он «полноты знания хотел» (III? 69).

Но в образе тургеневского Антония есть нечто от демонической личности, весьма популярной для русской романтической школы первой половины XIX века.

Свою пьесу И.С. Тургенев завершил. По всей вероятности религиозное содержание легенды, да и сама тема искушения были чужды ему. Это предположение подтверждает одно из признаний писателя и переводчика В.М. Михайлова, хорошо знавшего И.С. Тургенева. Он взялся за стихотворный перевод «Евангелия», отдельные части которого показал И.С. Тургеневу в 70-х годах. «Он, – вспоминает В.М. Михайлов, – сказал, что я хорошо уловил простоту легендарной речи, но тут же объявил себя «врагом христианства» – в том смысле, что ему противна мысль искупления мукой и смертью невинной».

Под влиянием драматургии Мериме И.С. Тургенев в 1843 г. написал пьесу «Неосторожность», где тема религиозного «искушения» переведена им в план интимно-бытовых отношений. Донья Долорес, молодая, красивая испанка, томится по настоящему большому чувству любви: ее старый муж Бальтазар д'Эстуриз подобное чувство вызвать не в состоянии. Появление Рафаэлье, обстоятельного молодого человека, вызывает у доньи Долорес искушение познать это чувство. Пьеса разрешается трагически. Друг доня Бальтазара, дон Пабло, тайно влюбляется в донью Долорес, убивает ее. На зависимости этой пьесы от «Театра Клары Газуль» настаивали некоторые современные исследования, в частности Л.П. Гроссман и Н.В. Пумпянский. Л.П. Гроссман, например, обратил внимание на то, что даже имена героев пьесы «Неосторожность» взяты И.С. Тургеневым у Мериме: дон Бальтазар, дон Пабло, Рафаэль.

Н.В. Пумпянский, автор статьи «Тургенев и запад», назвал это подражание Тургенева «неудачной попыткой» так и не разъяснив, в чем же неудача Тургенева. А между тем пьеса, безусловно, интересна. Сгущение страстей, сочетание трагического с комическим, смешение романтического стиля с реально-бытовым – во всем этом угадывается вдумчиво-пристальное изучение Тургеневым драматических принципов Мериме.

В предисловии к незавершенной пьесе «Две сестры» И.С. Тургенев признается: «Театр Клары Газуль», известное сочинение остроумного Мериме, подал мне мысль написать эту безделку в его роде» (III, 276). Три года (1842-1844) И.С. Тургенев изучал театр Мериме, вникая в его принципы изображения характеров, в структуру сюжетов. Это целая школа драматургического мастерства, которую ни в коем случае нельзя игнорировать, говоря о становлении И.С. Тургенева-драматурга.

И.С. Тургенев в дальнейшем преодолел эти влияния, и его последующие пьесы «Нахлебник», «Месяц в деревне» совершенно оригинальны и реалистичны по своей природе. Но, тем не менее, «Театр Клары Газуль» навсегда оставил позитивный след в творческом сознании И.С. Тургенева.

2.3. П. Мериме как критик и переводчик И.С. Тургенева

В творческом наследии П. Мериме литературной критике отводится довольно скромное место. Писатель не был журналистом-профессионалом, как Сент-Бев, ни даже как Стендаль. Мериме писал статьи от случая к случаю, отдавая дань тому или иному своему литературному увлечению либо уступая настоятельным просьбам многочисленных знакомых. Поэтому его литературно-критические работы неоднородны и неравноценны. Есть среди них и большие серьезные статьи в журналах, есть «маленькие газетные» статьи и рецензии. Многие из этих статей «на случай» теперь забыты, но лучшая часть наследия П. Мериме-критика, теснейшим образом связанная с его художественным творчеством, не утратила своего значения и в наши дни.

Мериме в статье «Литература и крепостное право в России» попытался сравнить творческую манеру Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева.

В конце 60-х годов XIX века, когда П. Мериме выступил с большой статьей, посвященной творчеству И.С. Тургенева, он сказал такие слова о драматургических возможностях таланта И.С. Тургенева: «Мне кажется, что

особенности г-на Тургенева должны бы обеспечить ему большой успех в театре. Недостатки романиста, на которые я позволил себе указать, то есть некоторые длинноты и обилие подробностей, в силу необходимости исчезли бы на сцене, где автор не может комментировать их движения и речи персонажей. В самом деле, драмы, написанные Тургеневым с правдивостью и естественностью, свойственной его романам, свободны от указанных мною недостатков» [Мериме 1963: V, 275]. Действительно, достаточно вспомнить так называемые «психологические драмы» Тургенева, с их глубоким внутренним миром, подтекстом, авторскими ремарками, психологическим паузами, сложным переплетением любовной и социальной темы, лирической настроенностью, окрашенной то в элегические, то в мягко-юмористические тона. Все отмеченные Мериме качества являются «важнейшими его собственной поэтики, которая, безусловно, во многом объединяет его с творческими принципами Тургенева» [Виппер 1963: 24]. В таком самоограничении, которое исповедовал Мериме, скрывалась слабость и даже ущербность рационалистической эстетики, суживающей и его творческую практику. При всей напряженности своего повествования Мериме все-таки иногда «суховат».

Прямой, лишенный каких-либо компромиссных решений, «с сильно развитым чувством красоты и меры» (Тургенев), П. Мериме был строгим критиком и судьей многих произведений Тургенева.

Русский писатель особенно ценил критику П. Мериме за ее неприкрашенность, и подчас даже резкость. В критических суждениях Мериме иногда чувствуются покровительственные интонации, идущие, однако, не от желания подчеркнуть свое превосходство, а от искреннего стремления помочь советом, поделиться своим огромным опытом с более молодым собратом по перу. Отсутствие всякой восторженности, охлажденный ум в сочетании с ясной трезвостью мысли при наличии тонкого чувства гармонии и красоты – таков стиль критики Мериме.

В своих письмах к И.С. Тургеневу П. Мериме больше критикует, указывает на недостатки, нежели хвалит и восхищается.

Очень заинтересовавший П. Мериме рассказ И.С. Тургенева «Бригадир» кажется ему чрезмерно кратким. Ему хочется «знать. Как человек, такой молодой, так переживает любовь», что из себя представляет племянница Агриппина, к которой адресовано «до ужаса» печальное письмо. Мериме не нравится имя героя рассказа Гуськов, которое ассоциируется со словом «гусь» и тем самым, по его мнению, снижает несколько драматизм образа.

В рассказе И.С. Тургенева «Странная история» есть сцена, где героиня Софья, фанатически религиозная дворянская девушка, снимает с юродивого сапоги. «Сцена эта прекрасна и хватает за душу», – писал П. Мериме И.С. Тургеневу. Но ее поведение в этом эпизоде, по мнению Мериме, недостаточно психологически подготовлено. Мериме советует: «Может быть, стоило бы добавить несколько фраз, чтобы подготовить выходку Софьи и теснее связать обе части повествования».

Мериме возражал против обращения И.С. Тургенева к жанрам ему чуждым, например, к фантастическому рассказу – «Призраки», к сенсационной корреспонденции уголовного характера типа статьи «Казнь Тропмана». П. Мериме, уже на смертном одре, выразил свое беспокойство коротенькой запиской: «Я прочитал вашу статью, и она не пришлась мне по душе». По мнению Мериме, подобные корреспонденции не достойны таланта Тургенева. Такие вещи надо предоставить Максиму дю Кану». Мериме имел в виду средних способностей писателя и журналиста. Интересно. Что к этой статье резко отрицательно отнесся и русский философ-экзистенциалист Л. Шестов.

По глубокому убеждению П. Мериме, таланту И.С. Тургенева были свойственны широкие эстетические полотна, исключаящие «мелочную», как он говорил, разработку характеров и излишнюю увлеченность

художественными подробностями. Об этом не раз он говорил как в письмах, так и в своих статьях о И.С. Тургеневе. Сам мастер сжатой прозы, П. Мериме считал лаконизм одним из важнейших достоинств художественной прозы. Длинноты вызывали у него раздражение и досаду. Для П. Мериме нарушение чувства художественной меры представлялось недостатком мастерства. Вот почему он советовал И.С. Тургеневу совершенствовать свой талант, стремиться к точности и ясности, сжимать и оттачивать фразы. Он предлагал И.С. Тургеневу пересмотреть рукопись романа «Дым», те листы, которые кажутся ему слишком длинными. П. Мериме полагал, что увлечение И.С. Тургеневым «описаниями» вредит его таланту. Как образец лаконизма в прозаическом искусстве Мериме предлагал образцы пушкинской прозы. Но вместе с тем П. Мериме ценил в И.С. Тургеневе писателя-психолога, владевшего искусством «изучения человеческого сердца».

И.С. Тургенев, не вступающий в споры с П. Мериме, по все вероятности, в глубине души не мог согласиться с ним. Дело в том, что для романиста-психолога лаконичная пушкинская речь приемлема не всегда. Чтобы убедиться в субъективности суждения П. Мериме по данному вопросу, достаточно вспомнить, что французский писатель упрекал И.С. Тургенева в «отсутствии пушкинского лаконизма» даже в «Бежином луге». И.С. Тургенев лишь однажды коснулся этого вопроса, заметив, что П. Мериме «требовал выбора меры античной законченности формы», и что заставляло Мериме «впадать в некоторую сухость и скупость исполнения. Он сам в этом сознавался в те редкие минуты, – отмечал И.С. Тургенев, – когда позволял себе говорить о собственных произведениях» (XIV, 213).

Называя И.С. Тургенева прирожденным драматургом, П. Мериме одновременно утверждал, что именно роман должен стать его основной жанровой формой. «До конца своей жизни, – писал он в 1868 году, – буду упорно советовать Вам писать роман, а не рассказы. Вы, как хороший рысак, который бежит тем быстрее, чем шире перед ним поле, и самые крупные

Ваши произведения – «Рудин», «Отцы и дети» и «Дым» – как раз самые лучшие» (VI, 211).

Говоря о природе художественной типизации тургеневских образов во второй статье о И.С. Тургеневе, написанной в 1868 году, П. Мериме отмечает, что И.С. Тургенев живописует индивидуальности, например, «не видит типов». И приводит примеры – Базаров и Павел Петрович. «В Базарове не следует видеть представителя передовой молодежи», – предупреждает П. Мериме, – также как в П. Кирсанове – идеал старого поколения. Оба они носители общечеловеческого. По мнению П. Мериме, «они, без сомнения, существуют, но вовсе не являются олицетворением молодежи и стариков своего века». В своих письмах и личных беседах П. Мериме обнаруживает большую ясность в данном вопросе. Он не только убеждает своих собеседников в жизненной правде тургеневских образов, но постоянно подчеркивает их типическую значимость. Князя Вяземского, недовольного близостью героев романа «Отцы и дети» к реальным прототипам, П. Мериме убеждает, что И.С. Тургенев пользовался русскими оригиналами только как обобщенными типами и не помышлял о сатирах на определенные лица.

П. Мериме особенно ценил И.С. Тургенева за его редчайшую способность преломлять в национальной проблематике важнейшие вопросы мировой истории, то есть за общечеловеческий аспект.

М.П. Алексеев писал: «Представило бы интерес систематически обследовать иностранные переводы Тургенева, им сами допущенные к печати» [Алексеев 1980: 25].

Переводами произведений И.С. Тургенева занимался и П. Мериме, который всегда с удовольствием обращался к произведениям русского писателя, порой сам предлагал свои услуги в качестве переводчика или редактора.

Прочитав, например, рассказ И.С. Тургенева «Странная история», П. Мериме сразу же объявил писателю о своем желании перевести его на

французский язык. Его огорчает известие о том, что перевод рассказа «Приключения лейтенанта Ергунова» поручен не ему. «Не заказывайте перевод, не предупредив меня», – просит Мериме Тургенева. – Мне кажется, что, как ни плохо я владею русским языком, все же смогу улучшить перевод, который Вам сделают» (XI, 185).

Являясь официальным переводчиком таких произведений И.С. Тургенева, как: «Призраки», «Собаки», «Странная история», Мериме не пропускал ни одного перевода тургеневских текстов без своего внимания в качестве корректора или редактора. Он стремился уловить, прежде всего, художественный стиль оригинала и поэтому был незаменимым авторитетом в вопросах перевода. И.С. Тургенев это понимал и глубоко ценил помощь своего французского друга, бесконечно ему доверяя и не раз обращаясь к нему за советами и даже помощью. В 1865 году, например, И.С. Тургенев попросил Мериме посмотреть его прозаический перевод на французский язык «Мцыри» М.Ю. Лермонтова. П. Мериме не только согласился, но так существенно помог И.С. Тургеневу выправить перевод, что И.С. Тургенев считал своим долгом сказать об этом в небольшой вступительной заметке к переводу: «Г-н Мериме, – писал Тургенев, – взял на себя труд пересмотреть наш перевод. Это имя не нуждается ни в каких похвалах, и нам остается только выразить ему нашу благодарность» (XV, 80).

Из слов самого И.С. Тургенева мы узнаем, что П. Мериме собирался перевести его роман «Дым», но по занятости отказался от этого замысла, предложив, однако, свои услуги в качестве редактора перевода.

В письме к переводчику романа «Дым» князю А.П. Голицыну от 5 июля 1967 года Тургенев писал: «Вы, конечно, понимаете, сударь, что подобную удачу надо использовать, и я бы попросил вас пересылать г-ну Мериме исправленную мною корректуру, прежде, чем сдавать ее в печать (VI, 42).

Мериме всегда был обеспокоен качеством переводов тургеневских текстов. На каждое произведение И.С. Тургенева он смотрел профессиональным оком, оценивая не только их художественные достоинства, но и их так сказать, «потребительскую ценность» для французского читателя.

Всего лишь несколько страниц романа «Дым» прочитал П. Мериме, но его уже одолевают сомнения. «У меня создалось впечатление, – пишет он И.С. Тургеневу, – что Вы описываете и общество, и состояние умов совершенно новые. Я задаю себе вопрос: будет ли это понятно французам» (VI, 194).

Учитывая особенности восприятия именно французского читателя, П. Мериме предлагает, например, И.С. Тургеневу изменить «фасад» романа, начав его не с вечера у Губарева, а с находки букета гелиотропов, пробудивших воспоминания о прошлом у Литвинова, или с «описания любви Литвинова к Ирине в Москве, – оно объяснит историю с гелиотропами».

В этом же письме П. Мериме замечает, что вечер у Губарева для русских представляет интерес, «ускользающий от иностранца» (VI, 197).

Мериме несколько смущает содержание рассказа И.С. Тургенева «Странная история». «Я прочитал Ваш рассказ, – сообщает он писателю. – Он мне понравился. Я только не уверен, поймут ли французы, самые безрассудные люди на свете, безумие религиозное» (VI, 254).

Рассказ И.С. Тургенева «Призраки, над переводом которого бился П. Мериме (по его словам «зверски трудно» переводится), также вызывал у него опасения. «Мне бы хотелось, – писал он И.С. Тургеневу, – сделать понятным для французов все, что понятно мне, или, по крайней мере, кажется понятным, когда я Вас читаю, но как, черт возьми, этого добиться?» (VI, 187).

Стремления сделать понятными для французов тургеневские произведения побуждало П. Мериме подчас приспосабливаться к ее вкусам,

внося в переводимые или редактируемые тургеневские тексты некоторые изменения, конечно, с ведома автора.

По-видимому, данные И.С. Тургеневым П. Мериме полномочия были чрезвычайно широки. П. Мериме не только изменял и сокращал по своему усмотрению целые фразы тургеневских текстов, но подчас и вмешивался в композицию произведения, исключая отдельные сцены, монологи.

Мериме предъявлял чрезмерную требовательность к себе как к переводчику, по несколько раз пересылал И.С. Тургеневу свой перевод с мелочной, казалось бы, придирчивостью, обсуждая отдельные фразы и слова.

Не прощал «ошибок» П. Мериме и другим переводчикам тургеневских произведений, например, Дюкану или князю А.П. Голицыну, переводы которых «Истории лейтенанта Ергунова» и «Дыма» подвергались его критической оценке.

Надо полагать, что П. Мериме гордился ролью посредника между русской литературой и французскими читателями.

Несмотря на усилия русских и французских ученых, до сих пор не до конца выясненным остается вопрос, почему П. Мериме переводил только рассказы И.С. Тургенева (причем, такие, где преобладал психологический анализ, либо всякие курьезы, невероятности) и вовсе не брался за романы. На наш взгляд, сжатая и энергичная форма рассказа больше соответствовала внутренним возможностям и вкусам П. Мериме-художника. Романная форма, прославившая И.С. Тургенева, была ему более чуждой.

Проанализировав материал, относящийся к литературному содружеству И.С. Тургенева и П. Мериме, из которого мы выделили, на наш взгляд, лишь наиболее важные вехи, следует признать, что И.С. Тургенев и П. Мериме сыграли выдающуюся роль в ознакомлении Франции с великой русской литературой. Перед читателями Франции предстал новый мир – русская литература, полная светлых образов, высокой красоты, глубоких мыслей, беспощадной правды, сказочно выросшая в царской России.

ГЛАВА III.

И.С. ТУРГЕНЕВ И Г. ФЛОБЕР

3.1. Личные контакты И.С. Тургенева и Г. Флобера

Братья Гонкуры, запечатлевшие внешний и внутренний облик Гюстава Флобера с «его натурой искренней, прямой, открытой, отказывали ему в способности к большой дружбе, к сильной привязанности к кому-либо: ему не хватает, – утверждали они, – тех ценных атомов, которые превращают знакомство в дружбу» [Гонкуры 1968: 2, 204]. Почти двадцатилетняя дружба Г. Флобера с И.С. Тургеневым опровергает это мнение. Знакомство писателей произошло в феврале 1863 года. «Я был очень счастлив познакомиться с Вами две недели тому назад и пожать Вашу руку, я это делаю снова крепче, чем когда-либо», – заверил Флобер Тургенева. В ответном письме Тургенев выразил уверенность в том, что их знакомство, «которое началось в столь добрый час, должно перерасти в самую искреннюю дружбу» [Флобер 1981: 5, 107]. Вскоре после этого, в марте, Флобер, получив от Тургенева сборник его произведений, переведенных на французский язык, посылает в ответ письмо, где с искренним восхищением говорит о высоком мастерстве русского писателя (особенно отмечая «Три встречи», «Якова Пасынкова», «Дневник лишнего человека»): «Каким вы обладаете искусством! Какое сочетание умиления, иронии, наблюдательности и красочности! Какая уверенная рука» [Флобер 1981: 5, 213]. Так началась дружба двух крупнейших реалистов. А позднее, 26 мая 1868 года, русский писатель признался Флоберу: «С первого раза, как я увидел Вас, я почувствовал к Вам сразу большую симпатию. Мало людей, особенно французов, с которыми бы я чувствовал себя так спокойно и в то же время так оживленно, как с Вами» [Флобер 1981: 5, 227].

Помимо общих творческих интересов, их сближали общие личные качества: щедрость души, отвращение к пошлости во всех ее проявлениях,

ненависть ко всему, что уродует человеческую личность, прямота и честность в отношении с окружающими. Личные и творческие взаимоотношения двух писателей питались не только родственностью мировоззрений, общностью эстетических программ, но и особой духовной близостью. Об этом справедливо сказал их ученик Мопассан: «Родственные друг другу по таланту, мировоззрению и складу ума, схожие во вкусах, образе жизни и мечтаниях, равно как и в своих литературных стремлениях, оба широко образованные, восторженные поклонники искусства, они находили между собой столько точек соприкосновения, что каждая встреча была для них большой радостью – не столько, быть может, даже радостью ума, сколько радостью сердца» [Мопассан 1957, 38]. В Тургеневе Флобера поражало и восхищало соединение тонкого ума и огромной эрудиции: «Чего только он не знает, ты не можешь себе вообразить!», – писал он своей племяннице Каролине в 1873 году [Флобер 1981: 5, 191].

Частые разлуки делают их встречи особенно желанными. Флобер неоднократно сетует на то, что Тургенев не живет постоянно во Франции: «Как жаль, что нельзя жить с людьми, которых любишь», – пишет он в 1868 году, имея в виду Тургенева [Флобер 1981: 5, 221]. А двумя годами позже он признался Ж. Санд: «Кроме Вас и Тургенева я не знаю смертного, с кем мог бы излиться по поводу вещей, близких моему сердцу, а вы оба живете далеко от меня» [Флобер 1981: 5, 237]. В апреле 1873 года Тургенев вместе с Флобером посетил великую французскую писательницу Ж. Санд. Несколько дней, проведенных в Ноане, еще больше сблизили старых друзей.

Флобер мечтал побывать в России, но этому желанию в силу различных обстоятельств не пришлось исполниться.

После окончания франко-прусской войны вокруг Флобера объединились самые способные молодые французские писатели, образовав так называемый «кружок пяти». В него вошли Э. Золя, А. Доде, Э. Гонкур и Ги де Мопассан. Участники «кружка пяти» часто собирались на так

называемых «обедах Флобера». Именно здесь И.С. Тургенев познакомился с прогрессивными французскими писателями. Ги де Мопассан вспоминал: «Ивана Тургенева я впервые увидел у Гюстава Флобера. Дверь отворилась. Вошел великан. Великан с серебряной головой, как сказали бы в волшебной сказке» [Мопассан 1957, 53]. Появление на «обедах пяти» И.С. Тургенева всегда встречалось восторженно, все очень любили слушать «великого москвитянина» и особенно его рассказы о русской литературе и различных случаях из русской жизни. Эдмон и Жюль Гонкуры в своих «Дневниках» очень подробно записали интересные беседы, состоявшиеся между И.С. Тургеневым и участниками кружка на этих «обедах». В те месяцы, когда Г. Флобер жил в Париже, русский писатель каждое воскресенье оправлялся к нему. Их беседы редко затрагивали политику, они не отклонялись от литературно-эстетических вопросов. По воспоминаниям американского писателя Г. Джеймса, жившего тогда во Франции, главным предметом обсуждения здесь были вопросы литературного вкуса и писательского мастерства. И.С. Тургенев знакомил французских писателей с лучшими представителями русской литературы: А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, Л.Н. Толстым. История дружбы, основанной на личной симпатии и глубоком творческом взаимопонимании, нашла отражение во многих письмах И.С. Тургенева и Г. Флобера.

Как известно, в конце своей жизни Г. Флобер испытывал материальные затруднения и безуспешно пытался устроиться на какую-либо не унижающую его должность. И.С. Тургенев принял деятельное участие в разрешении этого жизненно важного для Г. Флобера вопроса, обратившись с просьбой к Гамбетте, лидеру буржуазных республиканцев, предоставить Г. Флоберу место хранителя библиотеки Мазарини, но получил отказ. Тем не менее, И.С. Тургенев оказывает сильную моральную поддержку Г. Флоберу, пытается даже опубликовать в России его легенду «Искушение святого Антония».

Изучение переписки И.С. Тургенева и Г. Флобера дает возможность сделать ряд наблюдений, касающихся характера дружбы русского и французского мастеров слова, направленности их творческих исканий во многом шедших в одном и том же русле.

3.2. Мировоззренческие и литературно-эстетические позиции И.С. Тургенева и Г. Флобера

В пору первого дружеского сближения И.И. Тургеневу – 45 лет, Г. Флоберу – 42 года. Каждый из них уже сложившийся художник. И.С. Тургенев подчеркивал, что они, «подобно кротам», роют землю в одном направлении реалистического осмысления жизни(Х, 440). И тот, и другой пришли к реализму, преодолевая романтически-отвлеченные представления о жизни: оба были убеждены, что главный объект творчества – жизнь во всех ее проявлениях. Но различие объектов художественного исследования у И.С. Тургенева и Г. Флобера определяло различную общественную направленность их творчества.

«Ужаснувшийся враг буржуазии» (по определению А.В. Луначарского), Г. Флобер создавал свои основные произведения, начиная с «Госпожи Бавари» (1859-е годы) и заканчивая романом «Бувар и Пекюше» (1870-е годы), в период кризиса буржуазной культуры, когда, говоря словами Б.Г. Реизова, «принцип исторического оптимизма был опровергнут и опрокинут» [Реизов 1968, 137]. Г. Флобера угнетает политическая бесперспективность, оцепенение общественной мысли во Франции. В это же время в России наблюдался бурный рост освободительных идей. И.С. Тургенев, будучи чутким социальным наблюдателем, не мог не отразить их в своем творчестве. А. Доде, слушая в эти годы И.С. Тургенева, по его признанию, думал, что «Россия и в самом деле «новья» – нетронутая, земля, где каждый шаг оставляет след, земля,

которую предстоит исследовать, возделывать. У нас же напротив, – писал он, – не сохранилось ни одной пустынной дороги!» [Доде 1965: 7, 430].

Поэтому Г. Флобер, дружески завидуя русскому писателю, писал племяннице Каролине, что «перестал считать себя французом и собирается спросить у И.С. Тургенева, при первой возможности, «как стать русским».

Оба писателя ненавидели насилие и несправедливость, но не были политиками и не причисляли себя к какой-либо определенной политической партии. Более того, теория «чистого искусства» Г. Флобера была направлена именно против тенденциозной политической литературы его времени. Тенденция в литературе, намеренное желание что-либо доказать, проповедовать те или иные моральные, политические, социальные доктрины вызывает неприятие Г. Флобера. Политические взгляды И.С. Тургенева после крестьянской реформы 1861 года были во многом созвучны флюберовским. Более того, оба художника видели движущую силу истории в небольшой группе ученых и писателей, которые, по убеждению Г. Флобера, составляли «совесть мира».

Идея классовой борьбы была чужда как И.С. Тургеневу, так и Г. Флоберу. Оба писателя очень противоречиво оценивали революцию 1848 года, так как оба стояли на позициях исторического скептицизма, говорили о бесплодности насилия и социальных взрывов.

«Но при всей схожести настроений у этих двух писателей природа их пессимизма различна», – утверждает Д.С. Гутман [Гутман 1968: 51]. У Г. Флобера пессимизм носит трагический характер, так как отражает полное крушение его иллюзий относительно буржуазного общества и его культуры. «Пессимизм же Тургенева – драматичен: его преследовал страх перед социальной революцией, приближение которой он ощущал всем своим существом. И вместе с тем, Тургенев не мог противиться той красоте высоких нравственных идеалов, которую несла в себе революция» [Елизарова 1971: 53].

Интересна полемика вокруг данного вопроса. Так, некоторые ученые (А.Г. Цейтман, Г.Б. Курляндская) рассматривают И.С. Тургенева как зеркало надвигающейся русской революции, отразившее сложность и противоречивость нарастания освободительной борьбы. И если Г. Флобер «показал несостоятельность всех духовных ценностей, которые в течение нескольких веков для ряда поколений составляли основу мировоззрения и жизни, таких как разум, революционный идеализм, романтическая мечта, то в творчестве Тургенева нашли свое относительно правдивое отражение революционные тенденции века» [Елизарова 1971: 53]. Однако, на наш взгляд, категорично утверждать, что Г. Флобер доказывал несостоятельность такого понятия, как разум, ибо он был сторонником позитивизма, провозглашающего научное изучение действительности. Правда, если вспомнить «Буvara и Пекюше», может показаться, что французский писатель отрицает науку, признавая ее бессилие разрешить основные вопросы, волнующие человечество. Однако это относится не к науке вообще, а к кризисному состоянию современной писателю буржуазной науке.

Таким образом, при анализе общественно-политических взглядов двух писателей выявляются общие точки соприкосновения, обусловившие их тесные личные и творческие связи.

Будучи крупнейшими реалистами второй половины XIX века, И.С. Тургенев и Г. Флобер обнаруживали много общего в понимании природы искусства. Оба писателя стремились к «живой» человеческой правде, видели в реальной действительности главный источник вдохновения, оба придавали особое значение совершенству художественной формы. Оба отстаивали право художника свободно распоряжаться творческим вдохновением.

И.С. Тургенев говорил, что «писатель-художник должен писать не для того, чтобы поддержать какое-либо направление или противодействовать

какому-либо другому – он должен верно изображать жизнь» [Цит. по: Удеревский 1968: 11].

И у Г. Флобера мы находим очень близкие по идее высказывания: «Теперь от всякого произведения требуют моральной значимости, мудрого поучения: сонет должен выражать философскую мысль, драма – бить по рукам монархов, акварель – должна смягчать нравы... О, бедный Олимп. Они способны засорить твою вершину картофелем» [Цит. по: Шафер 1981: 168]. Данному подходу к искусству И.С. Тургенев противопоставляет следующее: «Надо изображать страсти, а не ратовать за партию» [Там же: 170].

Французский писатель Батист Фора объяснил дружбу русского и французского реалистов, в частности, присущим им обоим отвращением к мещанству и общим культом поэзии. У Г. Флобера увлечение красотой перерастает пафос в самоцель. Он считал, что целью искусства является красота, состоящая в точном подборе материала, в редкости составных частей, в чисто внешнем лоске, в общей гармонии.

Этот культ формы, эта необычная требовательность к мастерству писателя возбуждали у одних удивление, у других – восхищение. Именно к последней категории поклонников Г. Флобера можно отнести И.С. Тургенева. Однако сам Г. Флобер протестовал, когда его пытались объяснить «чистым художником», меньше всего обращая внимание на содержание, он всегда подчеркивал необходимость единства формы и содержания: «Нет прекрасных мыслей без прекрасной формы и наоборот... Представить себе идею, не обладающую формой, также невозможно, как невозможно представить себе форму, не выражающую никакой идеи» (письмо к Луизе Коллэ). И.С. Тургенев тоже взгляды свои относительно формы выражает достаточно определенно: «Горе писателю, – заявляет он, – который захочет сделать из своего живого дарования мертвую игрушку, которого соблазнят дешевый триумф виртуоза, дешевая власть его над своим опошленным вдохновением» (V, 424). Придавая огромное значение

художественной форме, И.С. Тургенев решительно осуждал всякую игру формой в искусстве.

По мнению Г. Флобера, французская буржуазная действительность исключала все прекрасное, всякую красоту. Вот почему он и не пытался даже искать ее в своих современниках и постоянно испытывал потребность скрыться от действительности, погрузиться в роскошные сюжеты «Саламбо», «Иродиады», «Искушения святого Антония», уйти в «Башню их слоновой кости».

И.С. Тургенев же высшим критерием искусства считал не столько «изысканность» стиля, сколько умение правдиво, искренне писать о жизни, и сам следовал этому. Неслучайно Г. Флобер отмечал особое его достоинство – превосходное знание жизни: «Вы знаете жизнь, мой друг, и умеете рассказать то, что знаете, а это – редкий случай!».

Вот почему у И.С. Тургенева понятие прекрасного охватывает гораздо более широкие сферы познания, чем у Г. Флобера. Так, в одном из писем к Полине Виардо И.С. Тургенев отмечал, что «прекрасное разлито повсюду. Но нигде оно не силет с такой силой, как в человеческой индивидуальности». Поиски прекрасного в человеке – пафос и тургеневского творчества, и всей русской литературы XIX века.

И если мы находим много общего в мировоззрении И.С. Тургенева и Г. Флобера, в большинстве эстетических позиций, то вопрос совершенства художественной формы писатели решают по-разному. У Г. Флобера стремление к совершенству художественной формы определялось желанием обнажить серость, никчемность настоящей жизни; у И.С. Тургенева, напротив, – стремлением подчеркнуть прекрасное, высокое в ней. И если у Г. Флобера простота и естественность сюжета достигались обращением к обыденным, заурядным героям (мадам Бовари, Фредерик Моро), то у И.С. Тургенева простота и незначительность сюжета компенсировалась

значительностью его героев (Стахова, Инсаров, Базаров). На это указывали М.П. Алексеев, М.Г. Ладария.

Осуждение буржуазной действительности требовало от Г. Флобера соответствующего колорита жизненных красок. Серые тона и полутона становятся у него господствующими, но не скучными. Обыденное, однообразное воспринималось Г. Флобером эстетически.

У И.С. Тургенева же изящество, красота художественной формы возникают из самой «поэзии жизни», из его стремления проникнуть в правду жизненных явлений.

Альфонс Доде заметил у И.С. Тургенева связь нравственного начала в душе человека с окружающей природой: «Русские степи пробудили чувства в сердце Тургенева. Человек становится лучше, когда он внимает природе; тот, кто любит ее, не может быть безучастным к людям. Вот чем объясняется сострадательная доброта, сквозящая в книгах славянского романиста, доброта, печальная, как песня» [Цит. по: И.С. Тургенев в воспоминаниях современников 1983: 293].

Однако самое главное, что поразило европейцев в тургеневских пейзажах, – это поэтичность, внутренний лиризм, словно сама природа, обретая язык, заговорила по-человечески, выражая свой восторг. Свою радость и печаль. «Никто не станет удивляться, – писал П. Мериме, – что Тургенев, тонкий знаток человеческого сердца, умеет наблюдать и талантливо списывать красоты природы. Всегда простой и точный, он возвышается до истинной поэзии живостью своих впечатлений и ювелирным искусством описания. Он помогает нам почувствовать и понять природу своей страны; читая его рассказ «Призраки», невольно любишься разнообразием и правдивостью различных пейзажей... Я думаю, что на французском языке невозможно передать все очарование этих описаний, которые в одно и тоже время просты и живописны, ибо сжатость и богатство

русского языка затрудняют даже самых искусных переводчиков» [Там же: 295].

Особую роль в поэтике И.С. Тургенева играет образ цветущего летнего или весеннего сада. К нему писатель обращается почти в каждом своем произведении, изображая его то в лучах яркого летнего солнца, то в дремотном свете луны. При этом точность и конкретность сочетаются у него с одухотворенной поэтичностью. Таково, например, описание весеннего сада в романе «Новь»: «Весь сад нежно зеленел первой красою весеннего расцветания; не было еще слышно летнего, сильного гуденья насекомых; молодые листья лепетали, да зяблики кое-где пели, да две горлинки ворковали все на одном и том же дереве, да куковала одна кукушка, перемещаясь всякий раз, да издалека, из-за мельничного пруда, приносился дружный грачиный гам, подобный скрипу множества тележных колес. И надо всей этой молодую, уединенной, тихой жизнью, округляя свои груди, как большие, ленивые птицы, тихо плыли светлые облака».

Нередко сад ассоциируется у героев И.С. Тургенева со светлой порой давно ушедшего детства, которое пробуждает в душе сладостные, меланхолические воспоминания. Именно об этом саде с заросшими дорожками у мелкого пруда, с высокими березами и горьким запахом свежей полыни вспоминает герой в «Дневнике лишнего человека». Буйно цветущий сад у И.С. Тургенева – это не только одна из реликвий уходящих в прошлое «дворянских гнезд», он символизирует неодолимый прорыв подспудных, бурлящих сил природы, вечный круговорот и красоту жизни, такой, какая она должна быть. Трудно обнаружить что-либо подобное в европейской литературе XIX века.

У современников И.С. Тургенева, его французских друзей и коллег, и прежде всего у Г. Флобера, отношение к природе было совершенно иным. «Я не любитель природы, – признавался автор «Мадам Бовари» в письме к Жорж Санд, – и мне непонятны места, не имеющие истории. Я отдал бы все

ценности мира за один Ватиканский сад» [Флобер 1981: 5, 434]. По мнению писателя, «природа не всегда располагает к созерцанию. Она углубляет в нас чувство нашего ничтожества» [Там же]. Не случайно скептические снисходительным было отношение Г. Флобера к такому любителю природы, как Ж.-Ж. Руссо, влияние которого на французскую и европейскую литературу в целом, по мнению писателя, было губительным. Язвительно снисходительное и отношение Г. Флобера к крестьянам, жизнь которых тесно связана с природой: «Как раздражают меня крестьяне, я не создан быть помещиком! Я и трех минут не могу пробыть в обществе этих дикарей, они действуют на меня убийственно» [Цит. по: Сохряков 1980: 30].

Когда однажды И.С. Тургенев рассказал Эдмону Гонкуру, как поучительны для него беседы с крестьянами, тот не мог понять, почему умному, европейски образованному литератору кажутся интересными разговоры с необразованными людьми.

Понятно то восхищение, которое выражал Г. Флобер мастерством своего друга, русского писателя, умевшего одухотворять природу, согревать пейзаж душевным теплом и симпатией. «Давно уже Вы являетесь для меня мэтром, – пишет он И.С. Тургеневу в 1863 году. – Но чем больше я Вас изучаю, тем более изумляет меня Ваш талант. Меня восхищает страстность и в то же время сдержанность Вашей манеры письма, симпатия, с которой Вы относитесь к маленьким людям и которая насыщает мыслью пейзаж. Видишь и мечтаешь... Читая Ваши «Картины из русской жизни», мне хочется трястись в телеге по заснеженным просторам и слушать волчий вой. От Ваших произведений исходит терпкий и нежный аромат, чарующая грусть, которая проникает до глубины души. Каким Вы обладаете искусством... Но что недостаточно оценили в Вас – это Вашей души, то есть постоянного волнения, какой-то глубокой, скрытой восприимчивости [Флобер 1981: 5, 233]. Обычно скупой на похвалы, Г. Флобер признается: «Я хотел бы быть учителем риторики, чтобы разъяснять Ваши книги. Заметьте – я не сумел бы

их разъяснить... Чтобы оценить Ваше последнее произведение, я нахожу одно только, очень глупое, слово: «очаровательно». Но вложите в него подлинный его смысл – смысл этот глубок. Оно пробуждает в сердце любовь: улыбаешься и хочется плакать» [Флобер 1981: 5, 407].

Красота стиля тургеневских произведений, по мнению Г. Джеймса, заключается в «умении поэтически изобразить будничное», «облечь высокой поэзией простейшие жизненные факты». Говоря о том, что поэзия у русского писателя сочетается с правдой жизни, Г. Джеймс сравнивал его с Г. Флобером, и сравнение это было не в пользу последнего. «Он был холоден, хотя готов был бы пожертвовать всем, чтобы воспламениться. Вы не найдете в его повестях ничего, подобного страсти Елены к Инсарову, чистоты Лизы, скорби стариков Базаровых. А между тем Флобер напрягал все усилия, чтобы быть патетическим. Эта частичная немота вызывала в тех, кто знал Флобера, чувство жалостливой симпатии к нему. Он был в одно и то же время могущественен и ограничен, и было нечто трогательное в этом сильном человеке, не могшем вполне выразить самого себя» [Джеймс 1983: 2, 320].

3.3. Тема «искушения» в произведениях И.С. Тургенева и Г. Флобера

Особого внимания заслуживает философская легенда Г. Флобера «Искушение святого Антония» и аналогичные мотивы в творчестве И.С. Тургенева.

В истории мировой литературы известны случаи, когда писатели различных стран и различных эпох обращались к разработке одной и той же темы (Каин и Авель, Прометей, Дон Жуан и др.), каждый толкуя ее по-своему, согласно своему творческому темпераменту, эстетическому опыту, миропониманию. Тема «Искушения святого Антония» по мотивам житийной легенды об искушениях и муках, которым подвергся святой Антоний в

Фивандах на заре христианской эры, привлекала внимание таких великих художников как П. Мериме и Г. Флобер. Дань увлечению этой темы отдал и И.С. Тургенев. Его пьеса написана не в комедийном, как у П. Мериме, а в драматическом жанровом ключе. Антоний у П. Мериме – «взбунтовавшийся отшельник», признавший, что смысл жизни не в молитвах, а в любви, в радости бытия. Это скорее бунт плоти, недели духа. Антоний И.С. Тургенева более сложен. Уход его от своей любви и молодости в монашество мотивируется автором причинами философского и религиозного порядка. В образе тургеневского Антония есть нечто от демонической личности, весьма популярной для русской романтической школы первой половины XIX века. Переводя тему «Искушения святого Антония» в иной, чем у П. Мериме, драматически-философский ключ, И.С. Тургенев как бы предвосхитил замысел Г. Флобера. Но русский писатель не обнаружил ни той настойчивости, ни той способности уходить всем существом в предмет научного исследования, что отличало Г. Флобера.

Претила И.С. Тургеневу и религиозная тематика. Пьесу И.С. Тургенев не завершил, но, тем не менее, этот сюжетный замысел тревожил творческую мысль русского писателя. Своеобразным отголоском увлечения этой темой явились у него «Призраки» (1832) и «Рассказ отца Алексея» (1863).

Эти произведения исследователи включают в цикл «Таинственных повестей» И.С. Тургенева [Муратов 1985].

Тема невероятного, страшного, непонятного – основная тема цикла. Идея И.С. Тургенева: человек как часть жизни всеобщей, не имеет возможности выйти из-под власти законов природы. В этом его трагизм, проявляющийся как в частной жизни, так и в жизни исторической. Такова тургеневская концепция, наиболее полно сказавшаяся в «Призраках». Повесть вызвала резкое осуждение и даже насмешки значительной части русской критики как произведение, мало связанное с задачами времени. Тургеневская философия пессимизма содержит в своей основе мысль о

враждебности человеку общих законов бытия и невозможности для мыслящей личности проникнуть в тайны «всеобщего». С этим связана трагическая сторона человеческого существования.

В «Призраках» для воспроизведения истории в ее пессимистическом философском толковании автор использует мистическую фантастику. Обратив внимание на свободную композицию и глубоко философское содержание этого произведения И.С. Тургенева, критик Г. Брандес считал, что русский писатель разработал сходный с Г. Флобером сюжет, только в гораздо более узких рамках: «У Флобера отшельник Антоний уносится в своем воображении вглубь времени, встречаясь с представителями самых разнообразных религиозно-философских систем.

Герой «Призраков» в объятиях женщины-вампира, несясь над различными странами, историческими эпохами, получает необычайную способность воспринимать явления и людей давно уже не существующих (Цезаря, Степана Разина и др.).

Тема искушения нашла свой отголосок у И.С. Тургенева и в другом произведении – «Рассказ отца Алексея». Там, по его словам, дается рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергался наущению дьявола (галлюцинации) и погиб.

В творчестве Г. Флобера данная тема занимает особое место. Только работа над «Искушением святого Антония» в 1870 году дает французскому писателю некоторую духовную разрядку в период личного кризиса (смерть друга Жюлья Гонкура, смерть Луи Буйе, война Франции с Пруссией).

Когда один мир кажется нам очень плохим, мы ищем спасения в другом. Г. Флобер возвращается к своему произведению в самые тяжелые дни, он опьяняет себя чернилами, как другие опьяняют себя водкой, чтобы забыть общественные беды и личные горести.

Впервые замысел возник у Г. Флобера в 1845 году. Это произошло, по его словам, в Генуе, где он увидел картину Брейгеме «Искушение святого

Антония». Первая редакция «Искушения» (1849 г.) наполнена романтической разочарованностью, пессимизмом, а большинство эпизодов и образов явно навеяны романтической поэтикой. Вторая редакция (1856 г.) явилась по существу переработкой начального варианта. Г. Флобер сделал значительные сокращения, внес существенные стилистические исправления. Последний вариант (1874 г.) только по форме напоминает два предыдущих. Г. Флобер вложил в него новую мысль, перестроил композицию. Видения Антония нужны ему для выражения собственных философских мыслей (как и в «Призраках» И.С. Тургенева). «Искушение» свидетельствовало о дальнейшем углублении противоречий в мировоззрении писателя и его растерянность перед лицом общественных событий последних лет. Оно выражало кризис сознания целого поколения интеллигенции, не принимавшей буржуазную действительность. Но не сумевшей подняться до научного понимания общественного развития.

Перенося эту кажущуюся историческую бесперспективность в область философских воззрений, Г. Флобер приходил к релятивизму и агностицизму. Но сложное и трудное произведение содержало в себе и положительное начало. Как и раньше, Г. Флобер воевал в нем со всем тем уродливым и ложным, что появилось в истории, он осуждал заблуждения, глупость, невежество. Его отрицание религии звучало так же воинственно, как и его критика буржуазии [Гузиков 1986].

Г Флобер, заинтересовавшись темой искушения, в своем произведении дал панораму всевозможных религиозно-церковных учений. Перед Антонием выстраивается вереница бесконечных заблуждений человечества, обличенных в форму символов и аллегорий. Важное значение приобретает в «Искушении» Илларион – бывший ученик Антония, говорящий о себе: «Я – знание». Илларион противопоставляет религии, сверхъестественному – принцип знания, он вселяет в Антония сомнения в достоверности религиозных легенд, указывает на явные противоречия в Писании. Илларион

подрывает веру в христианство сравнениями с многочисленными другими религиями; они выстраиваются в один ряд, свидетельствуя о многообразии человеческих заблуждений.

В конечном счете, устами Иллариона – Дьявола – Г. Флобер «провозглашает истинное отсутствие истины, философия агностицизма, безысходности» [Реизов 1955: 73].

Несомненно наличие антицерковной тенденции в последней редакции. Г. Флобер любил своего «Антония» и всеми силами его защищал. Ведь отшельником Антонием был в какой-то степени и сам Г. Флобер, который провел большую часть жизни в своей келье художника в Круассе. Как и Антония, его мучили вечные сомнения, и он нещадно истязал себя непосильным трудом.

Из сказанного видно, что тема искушения не оставляла И.С. Тургенева равнодушным. Вот почему, когда аналогичная тема получила свое художественно-философское воплощение у Г. Флобера, И.С. Тургенев был глубоко взволнован. Его незавершенный замысел оживал, воплощался у Г. Флобера в художественную «ткань». Наблюдать за всем этим было чрезвычайно увлекательно. Именно этой живой заинтересованностью объясняют исследователи М. Ландор, С. Шаталов творческие контакты между французским и русским писателями в начале 1870-х годов.

В декабре 1871 года Г. Флобер писал об И.С. Тургеневе, которому читал свою легенду: «Какой критик! Он ослепил меня глубиной и ясностью своих суждений... Он дал мне для «Святого Антония» два или три чудесных совета».

В свою очередь И.С. Тургенев восторженно отозвался о легенде Г. Флобера: «Самая поразительная вещь из всех, какую я когда-либо читал».

Исследовав материал, относящийся к личному и литературному содружеству И.С. Тургенева и Г. Флобера, надо отметить, что писателей соединяло многое: и личная дружба, и общие социально-политические и

эстетические взгляды, и совместная литературная деятельность. Они оба сыграли свою роль в развитии литературы второй половины XIX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Художественное воздействие И.С. Тургенева в литературе не только неопределимо, но и неистребимо». Эти слова американского писателя Генри Джеймса могут стать лейтмотивом данной выпускной квалификационной работы.

Являясь наиболее авторитетным представителем русской прогрессивной литературы второй половины XIX века на Западе, И.С. Тургенев в то же время был проводником русских влияний на французскую литературу. Этим самым он решал важнейшую историко-литературную задачу, к частному решению которой мы подошли в своей работе.

История взаимоотношений И.С. Тургенева с французскими писателями поучительна и в том плане, что она подтверждает благотворность общения писателей различных национальностей и литературных школ. Со многими французскими писателями связана судьба И.С. Тургенева: и Ж. Санд, и П. Мериме, и В. Гюго, и братья Гонкуры, и Г. Флобер, и А. Доде, и Э. Золя, и Ги де Мопассан и многие другие. И с каждым у него по-особому складывались личные и творческие отношения, с каждым были свои разногласия и единство взглядов в вопросах литературы.

И.С. Тургенев оказал большое влияние на многих французских писателей в плане становления их творческих индивидуальностей. Но русский писатель и сам, естественно, испытывал на себе определенные воздействия литературы Франции.

Изучение творчества И.С. Тургенева и Ж. Санд в его типологическом аспекте дает возможность глубоко проникновения в художественный мир писателей, позволяет установить некоторые закономерности европейского литературного процесса второй половины XIX века.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа были выявлены общие тенденции и точки соприкосновения в мировоззрении писателей, отразившиеся на их художественных стилях.

Несмотря на то, что Ж. Санд и И.С. Тургенев принадлежали к различным литературным направлениям (романтизму и реализму), у них выявлялся общий взгляд на изображение простого народа, крестьян. Это – вера в неиссякаемые возможности народа, сочувственное изображение простого человека, стремление сделать свои произведения достоянием самой широкой аудитории.

Признание реальной действительности единственным источником искусства – основной момент, сближающий эстетику писателей. Но И.С. Тургенев считал, что изображать жизнь надо во всех, без исключения, многообразных формах. А французская писательница стремилась воспроизводить действительность в ее наиболее ярких и значительных проявлениях.

Интерес к творчеству П. Мериме И.С. Тургенев проявил уже в начале 1840-х годов. В рецензии на «Смерть Ляпунова» С.А. Геденова он ставит П. Мериме кК автора исторической хроники рядом с У. Шекспиром, И. Гете и В. Скоттом. В письме к Полине Виардо от 21 февраля (4 марта) 1852 года И.С. Тургенев, вспоминая о статье П. Мериме «Николай гоголь», называл французского писателя «одних из самых проникательных умов в Европе».

П. Мериме еще в 1854 году написал весьма сочувственную рецензию на «Записки охотника», только что изданные во французском переводе. Эта статья, отражая обострившийся интерес Запада к России в период Крымской войны, безусловно, содействовала росту популярности И.С. Тургенева и русской литературы во Франции. А в конце 1860-х годов П. Мериме выступает с большой статьей, посвященной творчеству И.С. Тургенева.

В истории литературно-творческих связей И.С. Тургенева и П. Мериме вопрос о прямом влиянии не является определяющим, так как слишком

различны их творческие почерки и художественное мышление. Но, как уже отмечалось выше, в ранней молодости И.С. Тургенев-драматург испытал сильное воздействие создателя «Театра Клары Газуль», однако, влияние это имело чисто внешний характер (построение сцен, развитие сюжета, имена героев).

П. Мериме сделал немало для развития таланта И.С. Тургенева как критик и пропагандист произведений русского писателя на Западе, как переводчик и редактор переводов из И.С. Тургенева. Несмотря на усилия русских и французских ученых, до сих пор не до конца выясненным остается вопрос, почему П. Мериме переводил только рассказы И.С. Тургенева (причем, такие, где преобладал психологический анализ, либо всякие курьезы, невероятности) и вовсе не брался за романы. На наш взгляд, сжатая и энергичная форма рассказа больше соответствовала внутренним возможностям и вкусам Мериме-художника. Романная форма, прославившая И.С. Тургенева, была ему более чуждой, хотя П. Мериме высоко ценил И.С. Тургенева-романиста.

По глубокому убеждению П. Мериме, таланту И.С. Тургенева были свойственны широкие эстетические полотна, исключаящие «мелочную», как он говорил, разработку характеров и излишнюю увлеченность художественными подробностями. Об этом не раз он говорил как в письмах, так и в своих статьях. Сам мастер сжатой прозы, Мериме считал лаконизм одним из важнейших достоинств художественной прозы. Длинноты вызывали у него раздражение и досаду. Для П. Мериме нарушение чувства художественной меры представлялось недостатком мастерства, отсюда постоянные советы И.С. Тургеневу стремиться к точности и ясности, сжимать и оттачивать фразы. Но вместе с тем П. Мериме ценил в И.С. Тургеневе, прежде всего, писателя-психолога, владевшего искусством «изучения человеческого сердца».

Взаимоотношения двух писателей были многогранны. И.С. Тургенев, в свою очередь, знакомил П. Мериме с русской литературой (Л.Н. Толстым, Ф.И. Достоевским и др.), помогает ему в работе над этюдом из русской истории XVI – XVIII веков, рассказом «Локис», делится своими творческими планами. И.С. Тургенев привлек пристальное внимание П. Мериме к творчеству М.Ю. Лермонтова: в 1865 году они совместно перевели поэму «Мцыри».

И.С. Тургенева всегда интересовала личность писателя и отражение этой личности в творчестве. Интересно отметить, что мнение И.С. Тургенева о П. Мериме-человеке не оставалось застывшим и неизменным. С течением времени оно претерпело заметную эволюцию. Если в самом начале их знакомства И.С. Тургенев обронил не очень любезно: «Похож на свои сочинения», то есть сух, холоден, ироничен, непроницаем, но спустя год, он пишет совсем иное: «Под наружным равнодушием и холодом он скрывает свое любящее сердце».

А с Г. Флобером у И.С. Тургенева сразу же установились добрые, сердечные отношения, продолжавшиеся 17 лет. Высокую оценку дал И.С. Тургенев и Г. Флоберу-художнику, восхищаясь романами «Мадам Бовари» и «Воспитание чувств» как «самыми замечательными произведениями новейшей французской школы». Особенно пристально И.С. Тургенев следил за работой Г. Флобера над «Искушением святого Антония». В письмах 1870-72-х годов он постоянно интересовался этим произведением и даже торопил Г. Флобера с окончанием и изданием его. К тому же времени относится начало работы И.С. Тургенева над статьей об этом произведении. Есть основание говорить о сюжетном сходстве «Искушения» Г. Флобера с тургеневским «Рассказом отца Алексея».

Судя по переписке И.С. Тургенева со Стасюлевичем (редактором «Вестника Европы») 1876-1877 годов, И.С. Тургенев намеревался опубликовать в его журнале три произведения Г. Флобера: «Легенду о святом

Юлиане Милостивом», «Иродиаду», «Простое сердце». Первые два (в переводах И.С. Тургенева) появились в «Вестнике Европы» в 1877 году, сопровождаемые тургеньевским предисловием. «Трудом любви» стали для него, по выражению самого И.С. Тургенева, эти переводы.

И.С. Тургенева и Г. Флобера соединяло многое, в том числе и общие по многим вопросам социально-политические и эстетические взгляды. Занимаясь переводами Г. Флобера на русский язык, И.С. Тургенев стремился в совершенстве овладеть стилистической манерой любимого писателя: редкостным умением изобразить внутреннее состояние через внешнее, законом экономии изобразительных средств, приемом ассоциативных связей. И.С. Тургенев продемонстрировал их реализацию, в частности, в «Песне торжествующей любви», посвященной памяти Г. Флобера.

Как было показано в работе, в 1870-е годы во французской реалистической литературе начинается процесс «расщепления». Писатели старшего поколения – П. Мериме и Г. Флобер полагали определяющим в искусстве красоту, совершенство форм художественной выразительности. Писатели молодой литературной школы – Э. Золя, Ги де Мопассан внесли новые коррективы в понимание назначения искусства, которое, по их мнению, не исключает реалистическую обнаженность социальных фактов, изображение безобразного, циничного, грубого в жизни. И.С. Тургенев во многом разделял эстетические взгляды П. Мериме и Г. Флобера и одновременно приветствовал новейшую реалистическую школу Э. Золя и Ги де Мопассана.

Список литературы

1. Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. – Л.: Наука, 1983. – 448 с.
2. Анисимов И.И. Французская классика со времен Рабле до Романа Роллана: статьи, очерки, портреты. – М.: Худ. лит., 1971. – 334 с.
3. Анненков П.В. Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1982. – 683 с.
4. Балыкова Л.А. Новое во французском тургенеvedении // русская литература. – 1982. – № 3. – С. 211-221.
5. Батюто А. Тургенев-романист. – Л.: Наука, 1972. – 394 с.
6. Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. – Л.: Наука, 1975. – 185 с.
7. Бурсов П.И. О национальном и мировом значении русской классической литературы. – Л.: Наука, 1967. – 187 с.
8. Бушмин А.С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. – Л.: Наука, 1969. – 228 с.
9. Вальдман Б.Д. Из связей Тургенева и Флобера. – Рига: Зинатне, 1967. – 237 с.
10. Виппер Ю.Б. Классическое наследие и современность. – Л.: Наука, 1981. – 284 с.
11. Генералов Н.П. И.С. Тургенев в контексте русско-европейских литературных связей: автореф. дисс. – СПб., 2001. – 21 с.
12. Григорьев А.Л. Литературная критика. – М.: Худ. лит., 1967. – 631 с.
13. Григорьев А.Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. – Л.: Наука, 1977. – 302 с.
14. Гуральник У.А. Русская литература и зарубежные критики. – М.: Худ. лит., 1974. – 334 с.

15. Дунаев М.М. И. Тургенев: жизнь и творчество. – М.: Русский язык, 1983. – 294 с.
16. Затонский Д.В. Европейский реализм XIX века: Линии и лики. – Киев: Наукова думка, 1984. – 282 с.
17. Звигильский А.Я. Иван Тургенев и Франция. Сборник статей. – М.: Русский путь, 2010. – 334 с.
18. Зонина Л.А. Тропы времени: Заметки об исканиях французских романистов. – М.: Худ. лит., 1984. – 263 с.
19. Иващенко А.Ф. Гюстав Флобер: Из истории реализма во Франции. – М.: АН СССР, 1955. – 491 с.
20. И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Н.П. Генералова, В.А. Лукина. – СПб.: Альянс-Архео, 2009. – 624 с.
21. Кантор В.К. русский европеец как явление культуры. – М.: РОССПЭН, 2001. – 704 с.
22. Ковалева Т.В. К вопросу об эстетической позиции И.С. Тургенева и Жорж Санд // Вестник белорусского университета. – 1979 – Сер. IV. – № 23. – С. 32045.
23. Ковалев В.А. «Записки охотника» И.С. Тургенева. – Л.: Наука, 1980. – 137 с.
24. Кулешов В.И. Литературные связи России и западной Европы в XIX веке. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 461 с.
25. Купреянова Е.Н. Национальное своеобразие русской литературы. – М.: Наука, 1976. – 413 с.
26. Курляндская Г.Б. Метод и стиль Тургенева-романиста. – Тула: Приокское книжное издательство, 1967. – 245 с.
27. Куроедова Н.Н. Ги де Мопассан и Иван Сергеевич Тургенев: Автореферат дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук. – Харьков : Харьковский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1952. – 15 с.

- 28.Ладария М.Г. Тургенев и классики французской литературы. – Сухуми: Алашара, 1970. – 156 с.
- 29.Ладария М.Г. Живые ключи дружбы. – Сухуми: Алашара, 1976. – 120 с.
- 30.Левин Ю.Д. Русско-европейские литературные связи. – М.-Л.: Наука, 1966. – 478 с.
- 31.Левин Ю.Д. Восприятие русской культуры на Западе. – Л.: Наука, 1975. – 279 с.
- 32.Лилеева И. Писатели Франции. – М.: Наука, 1970. – 286 с.
- 33.Маркович В.М. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 208 с.
- 34.Мериме П. Статьи о русских писателях. – М.:И Гослитиздат, 1958. – 87 с.
- 35.Моруа А. Жорж Санд. – М.: Худ. лит., 1968. – 345 с.
- 36.Моруа А. Литературные портреты. – М.: худ. лит., 1970. – 234 с.
- 37.Мопассан Г. Статьи о писателях. – М.: Худ. лит., 1957. – 81 с.
- 38.Пустовойт П.Г. И.С. Тургенев – художник слова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1987. – 302 с.
- 39.Реизов Б.Г. Вопросы творческой истории литературных произведений. – Л.: Наука, 1965. – 387 с.
- 40.Реизов Б.Г. Французский роман XIX века. – Л.: Высш. шк., 1969. – 313 с.
- 41.Реизов Б.Г. Творчество Флобера. – М.:И Гослитиздат, 1964. – 524 с.
- 42.Рябов М.Ю. И.С. Тургенев и «русская» Европа // Россия – Тургенев – Европа. – М.: Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева, 2003. – С. 19-21.
- 43.Сент-Бев Ш. Литературные портреты. – М.: Худ. лит., 1970. – 585 с.
- 44.Трапезникова Н.С. Эстетические позиции Жорж Санд // Вопросы романтизма. – Казань, 1967. – С. 36-43.

45. Трапезникова Н.С. Романтизм Жорж Санд. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 184 с.
46. Трескунов М.С. Жорж Санд. – Л.: Худ. лит., 1976. – 246 с.
47. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: в 28 т. – М.: АН СССР, 1968.
48. Тургенев и его современники / М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1977. – 285 с.
49. Тургенев в воспоминаниях современников. – М.: Правда, 1988. – 557 с.
50. Удерецкий Д.В. Тургенев и французские писатели XIX века // Вестник ИГУ. Филология. – 1968. – № 5.
51. Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде: в 2 т. – М.: Худ. лит., 1984.
52. Шаталов С.Е. Тургенев и французские писатели 1840-1870 годов. – М.: наука, 1983. – 276 с.

Приложение

Литературный вечер «Франция в творческой и личной судьбе

И.С. Тургенева»

Ведущий 1. Творческая судьба Тургенева была прекрасна: всемирная известность пришла к нему при жизни, «он читан на всех языках, как Байрон, Шиллер, Гете, как Данте, как Шекспир и Диккенс». Но драматична и до конца непостижима его человеческая судьба: свою жизнь Тургенев разделил между Россией и Европой. Почему же случилось так, что русский писатель, любивший родину, искавший материал для творчества только в России, годами, десятилетиями жил во Франции?

Ведущий 2. Давайте мысленно перенесемся в зимний Петербург начала 40-х годов XIX столетия. Музыкальный сезон 1843 – 1844 годов был удивительным: в Северной столице возобновились представления парижской Итальянской оперы, для которой доступ в Россию на долгое время был закрыт. Среди всех певиц особо выделялась Полина Виардо, выступавшая с огромным успехом. По воспоминаниям современников, она «отлично пела и играла. В особенности действовала на зрителей необыкновенная страстность ее игры. Рубини (известный в то время оперный певец) говорил ей не раз после спектакля: «Не играй так страстно: умрешь на сцене!». Поэтому, не было ничего удивительного в том, что вдохновенное пение юной испанки (Полине Виардо было тогда 22 года) потрясло восторженного молодого Тургенева, которому едва минуло 25 лет.

Он без памяти влюбился в певицу, и его страсть к Виардо скоро стала известна всему Петербургу. Каждый вечер театральную публику тревожили не в меру бурные рукоплескания пылкого поклонника. А. Панаева вспоминала: «Тургенев так неистово аплодировал и вслух восторгался пением Виардо, что возбуждал ропот в соседях нашей ложи». 1 ноября 1843 года стал священным днем для Ивана Сергеевича, и в течение нескольких десятилетий он праздновал его всегда. В этот день его представили знаменитой певице, рекомендовав как «молодого великорусского помещика, хорошего стрелка, приятного собеседника и плохого стихотворца». Со временем преданность Тургенева-поклонника была вознаграждена: ежевечерне, после спектакля его стали допускать в уборную певицы наравне с некими генералом, графом и сыном директора Императорского театра. Каждый из этих избранных должен был во время антракта рассказать госпоже Виардо какую-нибудь историю. Нетрудно догадаться, что в этой игре Тургенев легко затмевал своих соперников. Кроме того, Иван Сергеевич предложил певице свои услуги в качестве учителя русского языка. Полине таковые были необходимы, так как по желанию русской публики ей

предстояло петь на сцене русские песни и романсы. С этого момента почти ежедневно Тургенев давал ей уроки.

По общим отзывам, Виардо не была красива. Сутуловатая, с крупными чертами лица и выпуклыми глазами, она многим казалась даже уродливой, но то была пленительная дурнушка. Один бельгийский художник сказал ее будущему мужу Луи Виардо (был директором парижской Итальянской оперы) в день их помолвки: «Она отчаянно некрасива, но если бы увидел ее еще раз, я бы влюбился». А некто из русских меломанов, почитателей таланта Виардо, справедливо замечал, что она не блистала красотой, но на сцене преображалась до неузнаваемости: «Некрасива!» – произнес мой сосед сзади. «В самом деле», – подумал я. Вдруг свершилось что-то необыкновенное. Раздались такие восхитительные бархатные ноты, каких, казалось, никто никогда не слыхивал: И уста ее были прелестны! Кто сказал «некрасива»? – Нелепость!» Для самого же Тургенева Полина была красавицей. По словам Я. Полонского, «ни единой точки на лице мадам Виардо он бы не изменил – таким совершенством казалось ему лицо ее».

Летом 1845 года Иван Сергеевич впервые отправился во Францию по приглашению госпожи Виардо. Там он познакомился и подружился с ее семьей, жившей в Куртавнеле. И мало кто мог подумать тогда, что этот русский, ставший вскоре признанным писателем, одним из популярнейших не только в России, но и в Европе, сохранит до конца дней горячую привязанность к замужней женщине, последует за нею за границу, где в конце концов проведет большую часть жизни и лишь наездами будет бывать на родине.

Ведущий 1. В конце 1840-х годов Тургенев живет, в основном, во Франции. Из его воспоминаний: «В 1846 году я вторично уехал за границу, пробыл там до 1849 или 1850 года. Реакция в России сделалась в это время до того сильна, что я колебался возвращаться в Отечество и уже задумался о том, как бы сделаться совсем политическим эмигрантом». Все это время он много работал. Результатом явились напечатанные в 1847 году в журнале «Современник» рассказы из цикла «Записки охотника». Они потрясли русских читателей. Уже одно то, что писатель вывел на сцену крестьян, позволив им вести речи, полные здравого смысла, само по себе явилось критикой крепостного права.

В 1850 году Тургенев решил приехать в Россию и обосноваться в Москве. «Записки охотника», уже вышедшие отдельным изданием, воспринимались как очень смелая книга. Она принесла писателю уважение молодежи. Третье отделение (иначе говоря, царская тайная полиция) начало следить за ним. Масло в огонь подлила история, связанная с кончиной Гоголя. Эта смерть потрясла Тургенева, и он написал статью-некролог, которую петербургская цензура не разрешила печатать в газетах, «так как от высшего начальства дано было приказание ничего не пропускать о Гоголе вследствие того, что в Москве на похоронах Гоголя собралась масса народу и

присутствовали официальные особы. В то время строго смотрели, чтобы литераторам не оказывали подобных почестей» (Из воспоминаний А. Панаевой). Тогда Тургенев отдал статью московскому цензору, который дал разрешение на ее публикацию. Эта история стала известна императору, и тот приказал арестовать Тургенева. Из письма к Виардо: «Я арестован при полиции, по приказанию государя, за то, что напечатал в одном московском журнале статью, несколько строк о Гоголе. Это, конечно, только предлог, статья сама по себе совершенно ничтожна. На меня уже давно косились. Придрались к первому подвернувшемуся случаю».

В заточении писателю пришлось просидеть всего лишь месяц. Когда истек срок заключения, Тургеневу было приказано уехать в Спасское и жить там, не покидая пределов имения. Ссылка была тягостна: он уже успел полюбить городскую жизнь, и к тому же, казалось, будет сущий кошмар, если Полина Виардо приедет в Россию, а он не сможет увидеть ее.

Ведущий 2. Так и случилось. Во время ссылки Ивана Сергеевича Виардо была приглашена петь в Петербург. Чтобы увидеть ее, Тургенев с поддельным паспортом приезжал в Москву. В одном из писем Герцена за 1853 год читаем: «Приехала сюда госпожа Виардо, прямо из Питера, рассказывала о Тургеневе, – он приезжал в Москву тайком». Об этом же событии вспоминал Анненков: «Мы видели подложный паспорт какого-то мещанина, приобретенный им где-то, с которым он явился однажды в Москву к изумлению и ужасу своих приятелей».

Перед этой встречей Тургенев не видел Полину несколько лет. Возможность вступить в брак предоставлялась ему не раз. Но в целом свете для него имела значение лишь одна-единственная женщина. Он говорил, что такова его судьба, иначе и быть не может: как только царь ему позволит, он вернется к ней.

После помилования и разрешения выезжать за границу Тургенев еще какое-то время жил в Петербурге (шла Крымская война), а в 1856 году вернулся во Францию. Там он вскоре опять зажил в тени Полины Виардо и ее семьи. Брат Николай, приехавший повидаться с ним, писал своей жене: «Дети Виардо относятся к нему, как к отцу, хотя совсем на него не похожи. Я не желаю разносить сплетни. Думаю, что когда-то в прошлом между ним и Полиной существовала более тесная связь, но, по-моему, сейчас он просто живет с ними вместе, став другом семьи». Жизнь в Куртавнеле текла весело. Там читали вслух, разыгрывали домашние спектакли с участием детей Виардо и Полины Тургеневой (прим.: здесь можно сделать отступление и рассказать о дочери писателя). С одной стороны, Тургенев был счастлив, находясь рядом с любимой женщиной, с другой – это счастье вносило в его душу смятение, ведь он любил госпожу Виардо, и его мучило, что приходится жить на «краешке чужого гнезда». Русские друзья, навещавшие его во Франции, находили такое положение прискорбным. Одному из них он признавался: «Она уже давно навеки затмила в моих глазах всех других

женщин. Я заслужил то, что со мной происходит. Счастливым я способен быть лишь тогда, когда женщина поставит свой каблук мне на шею, вдавливая меня носом в грязь». Толстой, повидавши его в Париже, писал своей тетушке: «Никогда не думал, что он способен так сильно любить».

Что же касается Полины Виардо, то она держалась ровно по-матерински как с Луи, так и с Тургеневым. К своему благородному и преданному супругу она испытывала уважение и почтение, к Тургеневу – примерно те же чувства. Между тем у нее не раз возникали отношения страстной дружбы с другими мужчинами, в том числе и с немецким дирижером Юлиусом Рицем. Она была просто счастлива, когда удавалось на какое-то время ускользнуть и от Виардо, и от Тургенева. Им двоим доставалась только дружба: «Я способна на постоянную дружбу, свободную от эгоизма, прочную и неутомимую».

Но Тургеневу трудно было удовлетвориться такой чисто дружеской взаимностью. Его жизнь оставалась неполной, незавидной. Он стал хворать, ездить от одного врача к другому. Хотя ему было только 40 лет, он думал, что жить осталось недолго. Чтобы создать новое литературное произведение, ему надо было возвратиться в Спасское, коснуться родной почвы.

Ведущий 1. В 60-е годы Тургенев живет в постоянных разъездах. Маршрут всегда один: Россия – Франция, Франция – Россия (лишь летом 1860 года и весной 1862 года он побывал в Лондоне, где встречался со своими друзьями – Герценом и Бакуниным).

После выхода в свет романа «Отцы и дети» (1862 г.) Тургенев вскоре почувствовал, что теряет связь с молодежью своей страны. По воспоминаниям П. Кропоткина, известного революционера, «большая часть молодежи приняла роман «Отцы и дети» с громким протестом: многие видели в нем карикатуру на молодое поколение. Это недоразумение сильно огорчало Тургенева». В отчете о действиях 3-го Отделения можно прочесть: «Справедливость требует сказать, что благотворное влияние на умы имело сочинение известного писателя Ивана Тургенева «Отцы и дети». Находясь во главе современных русских талантов и пользуясь симпатией образованного общества, Тургенев этим сочинением неожиданно для молодого поколения, недавно ему рукоплескавшего, заклеил наших недорослей-революционеров едким именем «нигилистов», и поколебал учение материалистов и его представителей». Таким образом, Тургенев не был понят русским обществом. Он писал в связи с публикацией романа: «Я замечал холодность, доходившую до негодования, во многих мне близких и симпатических людях; я получал поздравления, чуть не лобызания от людей противного мне лагеря, от врагов. Меня это конфузило, огорчало, но совесть не упрекала меня: я хорошо знал, что я честно и не только без предубеждения, но даже с сочувствием отнесся к выведенному мною типу». Ко всему прочему, в этот период у Тургенева не складывались отношения с Толстым, Достоевским, даже со своим старинным другом Герценом ему

удавалось ладить не без труда. В итоге, оставленный русскими друзьями, Тургенев чем дальше, тем больше привязывался к семейству Виардо.

Ведущий 2. Его чувство к Полине не ослабевало с годами. Он писал ей: «Уверяю Вас, что чувства, которые я к Вам испытываю, нечто совершенно небывалое, нечто такое, чего мир не знал, что никогда не существовало и что вовеки не повторится!»

В 1864 году Полина Виардо оставила подмости и вместе с мужем и детьми переселилась в Баден-Баден. Тургенев последовал за ними, построив себе дом по соседству. В одной из бесед он заметил, что любит семейство, семейную жизнь, но «судьба не послала мне собственного моего семейства, и я прикрепился, вошел в состав чуждой семьи, и случайно выпало, что это семья французская. С давних пор моя жизнь переплелась с жизнью этой семьи. Там на меня смотрят не как на литератора, а как на человека, и среди ее мне спокойно и тепло. Переменяет она место жительства – и я с нею; отправляется она в Лондон, Баден, Париж – и я переносу свое местопребывание с нею».

«Тургенев говаривал, что если бы семья Виардо жила в Стокгольме или в Копенгагене, «самых скучных городах мира», то и он бы там жил» (Из воспоминаний Н. Стечкина).

Тургенев к Полине Виардо: «О мой горячо любимый друг, я постоянно, день и ночь, думаю о Вас, и с такой бесконечной любовью! Каждый раз, когда Вы обо мне думаете, Вы спокойно можете сказать: «Мой образ стоит теперь перед его глазами, и он поклоняется мне». Это буквально так». Или другое письмо: «Господи! Как я был счастлив, когда читал Вам отрывки из своего романа («Дым»). Я буду теперь много писать, исключительно для того, чтобы доставить себе это счастье. Впечатление, производимое на Вас моим чтением, находило в моей душе стократный отклик, подобный горному эхо; и это была не исключительно авторская радость». Читая подобное, понимаешь, что Полина Виардо доставляла Тургеневу не только душевные страдания. Именно она была источником творческого вдохновения писателя, и во многом потому, что проявляла живой неподдельный интерес ко всем произведениям, выходящим из-под его пера. Сама Виардо заметила однажды в шутку: «Ни одна строка Тургенева не попадала в печать прежде, чем он не познакомил меня с нею. Вы, русские, не знаете, насколько вы обязаны мне, что Тургенев продолжает писать и работать».

Ведущий 1. Действительно, несмотря на личную семейную драму, на всю сложность положения в семье Виардо, в 60 – 70-е годы он много времени уделяет литературному труду. Выходят в свет его романы: «Отцы и дети», «Накануне», «Дым», «Новь». Он пишет повести, рассказы, стихи в прозе.

В эту пору Тургенев знакомится и сближается с лучшими французскими писателями: Флобером, Золя, Мериме, Мопассаном, Доде, Готье, Жорж Санд, братьями Гонкур. Они часто встречались вместе: сначала

на воскресных собраниях в маленькой гостиной Флобера, затем на ежемесячных обедах в кафе «Риш», получивших название «обедов пяти», так как их неизменными участниками всегда оставались Флобер, Тургенев, Золя, Доде и Эдмон Гонкур. Главным предметом обсуждения на этих собраниях были вопросы литературного вкуса, вопросы искусства и формы. Но особое умственное оживление наблюдалось, когда Тургенев начинал рассказывать о России, о нигилистах, о замечательных личностях среди них, о мрачной судьбе Отечества. Кроме того, Иван Сергеевич знакомил французских писателей с лучшими представителями русской реалистической литературы: Пушкиным, Гоголем, Толстым (последнего рекомендовал в качестве самого яркого представителя реализма второй половины века). Эдмон Гонкур записывал в дневнике, что Тургенев рассказывал «много интересного о русской литературе», которая, по его словам, «стоит на широком пути реалистического изучения».

Ближе всех Тургенев сошелся с Флобером. По собственному признанию у него было только два истинных друга: в России – Белинский, а во Франции – Гюстав Флобер. В одной из бесед Иван Сергеевич вспоминал: «У писателей французских я был: раза три-четыре, не более, у Золя, раз или два у Виктора Гюго, раз или два у Альфонса Доде; но у кого я бывал действительно часто, потому что чувствовал к нему самую искреннюю симпатию, это у Флобера, но именно симпатию не только как к писателю, а как к человеку». По воспоминаниям Я. Полонского, "Тургенев даже в самых откровенных беседах не говорил иначе, как с большим уважением о своих друзьях-французских писателях – Флобере, Золя, Доде, Мопассане, Гонкуре и других, которых очень любил. Он гордился своими хорошими отношениями со знаменитыми французскими писателями и не скрывал этого никогда».

Ведущий 2. В последнее десятилетие жизни главным интересом Тургенева по-прежнему оставалась семья Виардо. Для него родным приютом стали вилла «Ясени» в Буживале и парижский особняк на улице Дуе, 48, где он занимал трехкомнатные апартаменты. Из записок Л. Нелидовой: «Тургенев как бы даже с некоторым упорством продолжал говорить о своей привязанности ко всей семье, интересы которой, по его словам, были ему дороже и ближе всяких других интересов – собственных, общественных и литературных. Он уверял, что простое письмо с известием о состоянии желудка маленького ребенка Клоди (дочери Полины Виардо) для него несравненно любопытнее самой сенсационной газетной или журнальной статьи». По словам самого Тургенева, «если бы они (семья Виардо) решили поехать в Австралию, я последовал бы за ними». Или, как пишет Андре Моруа в своей монографии «Тургенев», «если бы ему предложили выбор быть первым в мире писателем, но никогда больше не увидеть семью Виардо или служить у них сторожем, дворником и в этом качестве последовать за

ними куда-нибудь на другой конец света, он предпочел бы положение дворника».

Однако во время своих последних приездов в Россию Тургенев проявлял интерес к другим женщинам. В середине 70-х годов он был увлечен баронессой Вревской, а в конце 1879 года познакомился с молодой актрисой Марией Гавриловной Савиной. Между ними установилась некоторая близость. Но, несмотря на это, Полина Виардо сохраняла всю свою власть над ним. Даже в те минуты, когда он, казалось, бывал особенно счастлив в России, он мог неожиданно заявить друзьям: «Если госпожа Виардо сейчас позовет меня, я должен буду ехать». И в который раз он возвращался в Париж.

Ведущий 1. Тургенева часто обвиняли в том, что он «ушел от русской жизни за границу и перестал понимать Россию». По мнению П.Н. Милюкова, автора статьи «Русский европеец» (написана им в эмиграции в начале 30-х годов прошлого столетия), это глубоко неверно. Он утверждает: «Тургенева обвиняли как раз в том, что было не только его особенностью, но и его достоинством – в беспристрастии и объективизме в оценке русской действительности. Неверно, конечно, будто оставаясь жить за границей, Тургенев стал чуждым русской жизни. Он продолжал следить за нею с неослабным вниманием и из своего далека часто видел вблизи, среди тогдашней молодежи эмиграции, многое такое, что другие узнали лишь много лет спустя – из исторических документов и мемуаров. Его Базаров, Рудин, Кукшина были точными фотографическими снимками, а в России, особенно среди русской молодежи, их ославили злостными карикатурами. Виноват был тут, конечно, не художник. Может быть, не следует винить и его молодых критиков. Виновато было то непутевое время, когда настоящий европеец и строгий к себе писатель оказался не ко двору в русской неразберихе».

Тем не менее, живя во Франции, Тургенев вел огромную и разнообразную общественную деятельность, направленную на преодоление вековых предубеждений, какие существовали в «культурном слое» Западной Европы по отношению к России. Прежде всего, он становится самым активным пропагандистом русской литературы на Западе и западной – в России. Благодаря ему русский читатель познакомился с творчеством Флобера, Золя, Мопассана. Сами французские литераторы, общаясь с Тургеневым, познавали неведомый им русский мир, тем более что рассказчик он был блистательный. Из воспоминаний Мопассана и Золя: «Он умел рассказывать восхитительно, придавая малейшим фактам художественное значение и забавный колорит² (Ги де Мопассан). «Он рассказывал очень хорошо, но начало его рассказов было всегда немного туманно, натянуто. Это производило такое впечатление, будто не обещало ничего интересного в его рассказе; потом все это сглаживалось, уяснялось и было прелестно» (Э. Золя).

С особой настойчивостью Тургенев пропагандировал во Франции Льва Толстого и Федора Достоевского, несмотря на многие личные недоразумения. Островскому он пишет: «Познакомить Европу с Вами – мне вот как хочется!». И не только рекомендует издателям перевести драму «Гроза» на французский язык, но и сам помогает переводчику: «Мы вдвоем прошли ее тщательно – я все ошибки выправил».

Живя вдалеке от родины, писатель не прерывал постоянной живой связи с русским искусством. У Полины Виардо его окружало блестящее музыкальное общество. Еженедельно устраивались музыкальные утренники самой хозяйки и ее знаменитых гостей. Часто ее дом посещали и приезжающие из России русские музыканты, писатели, художники, с творчеством которых Тургенев стремился познакомить Францию и всю Европу. Среди ее желанных гостей были Сергей Танеев, Антон Рубинштейн, Алексей Писемский, Глеб Успенский, Илья Репин, Василий Polenov. В гостиной Виардо часто звучала музыка Глинки, Бородина, Чайковского.

К 70-м годам XIX века в Париже собралась большая группа русских художников. «У нас тут завелась художническая русская семейка», – писал И.С. Тургенев. Со многими из них его связывали те или иные контакты: одни писали его портреты, художническую судьбу других он устраивал, не жалея сил, с третьими находился в переписке. Но многие молодые дарования, направленные Академией художеств в Европу для совершенствования мастерства и изучения музеев, на деле оказывались в трудных условиях одиночества и нужды. Поэтому с целью сплочения и взаимопомощи, а также с целью популяризации во Франции русского искусства в 1877 году в Париже было основано «Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже». В течение пяти с лишним лет Тургенев оставался бессменным секретарем Общества, принимая постоянное и активное участие в его делах: им совместно с М.М. Антокольским был выработан устав Общества, его рукою написаны деловые письма, пригласительные билеты, программы литературно-музыкальных вечеров. Знаменательно, что самым последним выездом Тургенева из дома было посещение Новогодней елки в Обществе русских художников в Париже.

Но помощь молодым художникам была не единственной заботой писателя. Он постоянно кого-то рекомендовал издателям, о ком-то хлопотал, кого-то опекал, кому-то покровительствовал. К Тургеневу мог явиться всякий. По воспоминаниям одного из современников, «в то время искать в Париже работу и обратиться к И. С. значило одно и то же. И. С. заглазно давал длиннейшие рекомендации и аттестаты, удостоверяющие что угодно и кому угодно». Бывало, что этой безграничной добротой и щедростью Тургенева пользовались и бесцеремонные просители. Но именно он помог в трудную минуту Н. Н. Миклухо-Маклаю, художникам М. М. Антокольскому и В. В. Матэ, а также многим другим. М. Ковалевский вспоминал: «Живя по

личным причинам в Париже, он в то же время служил русским интересам. Мне называли его шутя "послом от русской интеллигенции». Не было русского или русской, сколько-нибудь прикосновенных к писательству, живописи или музыке, о которых так или иначе не хлопотал бы Тургенев». П.Д. Боборыкин в 1878 году писал о нем: «Тургенев постоянно откликается на нужды и интересы русских. Уже и то хорошо, что в таком центре, как Париж, куда приливают все больше и больше разные выходцы из русских углов и сфер, живет такой даровитый, гуманный и вдумчивый человек, способный вбирать в себя, как в центральный приемник, и дело и безделье, и смех и горе, и надежды и отчаянья русских людей».

С именем Ивана Сергеевича Тургенева связана и история одной из крупнейших русских библиотек в Западной Европе. Ее возникновение было связано с насущной потребностью русских политических эмигрантов, молодых студентов, заброшенных разными судьбами на чужбину интеллигентов в книгах на родном языке, в русских газетах и журналах. Так, в 1875 году в Париже появилась русская библиотека-читальня. Мысль о ее создании возникла у известного революционера Германа Лопатина. С просьбой о помощи он обратился к Тургеневу, который горячо одобрил эту идею и обещал всяческое содействие. Он жертвовал библиотеке книги, оказывал помощь деньгами, не раз вносил за библиотеку плату за наем помещения. По его инициативе и с его участием устраивались литературно-музыкальные утреники в доме Виардо, сбор от которых Тургенев передавал библиотеке. После смерти Тургенева в 1883 году общее собрание членов библиотеки постановило присвоить ей имя великого русского писателя, заботам которого она обязана своим существованием.

Библиотека им. Тургенева работала в Париже до начала Второй мировой войны. В период оккупации она была почти полностью разгромлена немцами (уцелела часть книг из подвала и книги, взятые читателями на абонементе). По окончании войны встал вопрос о восстановлении Тургеневской библиотеки. Начались долгие и трудные хлопоты. Французское правительство выделило специальную сумму денег для приобретения необходимой литературы. И в 1959 году состоялось второе рождение этого замечательного очага русской культуры в Париже.

Ведущий 2. В последнее десятилетие жизни Тургенев тяжело болел. Приступы недуга, которому не могли дать определение лучшие врачи, учащались и с каждым годом становились все мучительнее. Раз он сказал: «Угадайте, чего я всего более желал бы? Мадам Виардо и я начали строить догадки, но все оказывалось не то; тогда он печально произнес: «Пять минут постоять и не ощущать боли» (Из воспоминаний М. Василенко.

Им все чаще овладевало меланхоличное настроение: «Мне стукнуло шестьдесят лет: это начало «хвоста» жизни». Или: «Могила словно торопится проглотить меня: как миг какой, пролетает день – пустой, бесцельный, бесцветный. Смотришь – опять валишь в постель. Ни права жить, ни охоты

нет; делать больше нечего, нечего ожидать, нечего даже желать». Во многом такие настроения были вызваны тем, что уходили из жизни, один за другим, люди, связанные с его прошедшей жизнью, и вместе с ними умирала большая часть его прошлого, его молодости, его силы. Тяжело переживались им и смерть Некрасова, и баронессы Вревской, и брата Николая.

Но были случаи, что в последние приезды на родину что-то как будто бы налаживалось. По словам его близких друзей, «Тургенев начинал заговаривать о том, чтобы подольше остаться в России, пожить у себя в Спасском. Но достаточно было малейшего подозрения там, в Париже, довольно было одного письма оттуда – и все завязавшиеся связи мгновенно разрывались, и Тургенев бросал все и летел туда, где была Виардо».

Умирал Иван Сергеевич во Франции. Пресловутая грудная жаба на деле оказалась раком позвоночника. Он испытывал невыносимые страдания, умолял Полину Виардо, терпеливо ходившую за ним, выбросить его в окно. А она отвечала: "Но, дорогой мой Тургенев, вы слишком большой и тяжелый; и потом, это может вам повредить". В такие минуты он не мог удержаться от улыбки.

В эти месяцы как никогда прежде его тянуло в Россию. Из воспоминаний знакомых, навещавших его в Буживале: «Он горько жаловался на то, что не может ехать в Россию. – Зачем же вам так сейчас ехать в Россию, сначала поправляйтесь хорошенько здесь! – «Да, но я бы мог продолжать там работу, я кое-что начал, что надобно бы писать там», – и он многозначительно кивнул головой».

Ведущий 1. Скончался Иван Сергеевич 22 августа 1883 года. На церемонии отпевания присутствовал «целый мирок людей богатырского роста с расплывчатыми чертами лица, бородатых, как Бог-отец, – подлинная Россия в миниатюре, о существовании которой в Париже и не подозревали». Тело писателя было отправлено в Россию и согласно завещанию похоронено на Волковом кладбище. Причем, в Петербурге ему устроили такое торжественное погребение, каких здесь не видывали со времен кончины Пушкина. А в Париже на проводах гроба с телом Ивана Сергеевича в Россию французский писатель и публицист Эдмон Абу сказал: «Франция с гордостью усыновила бы вас, если бы вы того пожелали, но вы всегда оставались верным России. Ей именно вы служили, прежде всего, и преимущественно». Сам же Тургенев в конце жизни однажды заметил: «Считаю великим счастьем своей жизни, что я несколько приблизил свое отечество к восприятию европейской публики».

И сегодня нет сомнения в том, что благородный труд великого русского писателя в деле установления и укрепления дружеских культурных связей между Россией и Францией высоко оценен его благодарными почитателями в обеих наших странах.